

ОТДѢЛЪ II.

I. КРИТИКА.

А. Преображенскій. *Григорій V патріархъ Константинопольскій. Обзоръ его жизни и дѣятельности.* Казань 1906.

Исторія православной церкви въ предѣлахъ Турецкой имперіи стала, въ послѣднее время, привлекать на себя вниманіе Русскихъ ученыхъ все болѣе и болѣе. Явились изслѣдованія общаго свойства, появлялись и монографіи, касающіяся православной церкви подъ игомъ Турковъ. При этомъ сужденія, какія высказывались и высказываются о православномъ Востокѣ, въ особенности о Грекахъ, какъ древнѣйшихъ его представителей, до крайности противоположны: на ряду съ безмѣрными сплошными порицаніями всего православно-греческаго встрѣчаются, если и не прямо восхваленія Грековъ, то все же нѣкоторое сердечное къ нимъ отношеніе и стремленіе оправдать ихъ дѣйствія, вызывающія рѣзкія о нихъ сужденія у изслѣдователей, мало или совсѣмъ къ нимъ не расположенныхъ.

Сочиненіе г. А. Преображенскаго подъ выписаннымъ заглавіемъ относится къ монографіямъ, посвящено лицу, окруженному ореоломъ славы борца за Еллинскую свободу, обнимаетъ переходную эпоху въ жизни Греческаго народа подъ Турецкимъ владычествомъ и уже по одному этому должно представлять значительный интересъ. Оно чуждо рѣзкихъ сужденій о Грекахъ; напротивъ, авторъ питаетъ къ нимъ нѣкоторую симпатію и старается быть возможно безпристрастнымъ.

Сочиненіе г. А. Преображенскаго состоитъ изъ «предисловія» и шести главъ, соотвѣтственно разнымъ сторонамъ жизни и дѣятельности патріарха Григорія V. Содержаніе его въ общихъ чертахъ можно представить въ слѣдующемъ видѣ.

Въ «предисловіи», указавъ на пробудившееся стремленіе къ изученію Востока (конечно, ближняго, православнаго), какъ на Западѣ, такъ и у насъ, въ Россіи, авторъ дѣлаетъ обзоръ литературы избраннаго имъ предмета и источниковъ и пособій, послѣ чего опредѣляетъ задачу своего изслѣдованія въ слѣдующихъ словахъ: «Мы хотѣли дать достаточно деталь-

ную и широко освѣщенную на фонѣ эпохи исторію жизни и дѣятельности Григорія V-го» (стр. I—XIII).

Согласно этой задачѣ, онъ въ первой главѣ своего изслѣдованія, подъ заглавіемъ. «Жизнь и дѣятельность Григорія V-го до избранія на патриаршество», картинно рисуетъ мѣсто рожденія патриарха Григорія, устанавливаетъ годъ его рожденія и, чтобы дать понять читателю, какою атмосферою дышалъ въ дѣтствѣ своемъ будущій патриархъ - мученикъ, рисуетъ занятія и образъ жизни не только его родителей, но и всего ихъ потомства по мужской и женской линіи (стр. 1—21); послѣ чего описываетъ школьные годы Григорія въ разныхъ Греческихъ училищахъ, съ подробною характеристиккою внутренняго строя Греческихъ школъ того времени, предметовъ и методовъ преподаванія въ нихъ (стр. 21—50), и, наконецъ, сообщаетъ свѣдѣнія объ общественномъ служеніи Григорія преимущественно въ городѣ Смирнѣ, сначала въ подчиненныхъ должностяхъ при Смирнскомъ митрополитѣ (стр. 50—62), а затѣмъ и въ званіи самаго митрополита Смирнскаго до избранія его на патриаршество (стр. 63—80).

Во второй главѣ, подъ заглавіемъ: «Общее церковно-политическое состояніе Греческаго Востока ко времени вступленія Григорія V-го на Константинопольскую патриархію», первоначально сообщается объ избраніи и вступленіи на патриаршій тронъ Григорія (стр. 81—84), а затѣмъ описываются условія, при которыхъ пришлось ему дѣйствовать, именно: настроеніе и стремленіе Грековъ, образовавшіяся вслѣдствіе знакомства ихъ съ идеями свободы и революціонными движеніями Европы, преимущественно же Франціи, настроеніе Турковъ и состояніе церковной жизни христіанскаго общества (стр. 85—104). Такимъ образомъ глава эта служитъ какъ бы введеніемъ къ изображенію всей послѣдующей дѣятельности Григорія V, какъ патриарха.

Въ третьей главѣ, подъ заглавіемъ: «Дѣятельность патриарха Григорія въ пользу церковно-народнаго просвѣщенія», послѣ общаго очерка просвѣщенія у Грековъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. (стр. 105—114), слѣдуетъ описаніе трудовъ самаго патриарха Григорія V въ дѣлѣ церковно-народнаго просвѣщенія, именно, — прежде всего обрисовываются его заботы о возрожденіи прежнихъ, пришедшихъ въ упадокъ, школъ и объ учрежденіи новыхъ (стр. 115—131), и пастырская попечительность его о должномъ, церковно-православномъ направленіи преподаванія въ школахъ въ устраненіе и, по возможности, полное искорененіе начавшагося быстраго распространенія раціоналистическихъ и революціонно-либеральныхъ идей Запада (стр. 131—144); затѣмъ излагается краткая исторія основанія Греческой патриаршей типографіи, съ указаніемъ на ея заслуги въ дѣлѣ просвѣщенія Грековъ (стр. 144—160); послѣ того описывается, съ одной стороны, стараніе Григорія поднять церковное проповѣдничество, какъ могущественное средство для просвѣщенія народа, а съ другой—его содѣйствіе изданію и распространенію «общепользныхъ и нрав-

ственно-назидательныхъ книгъ», причемъ дается краткій анализъ этихъ книгъ (стр. 161—183); наконецъ, перечисляются литературные (переводные) труды самаго патріарха Григорія (стр. 184—190), съ экскурсіей — видимо для ихъ возвышенія — въ область исторіи образованія теперешняго ново-греческаго языка (стр. 190—200).

Четвертая глава носитъ заглавіе: «Церковно-общественная и административная дѣятельность Григорія V». Здѣсь, послѣ общей характеристикѣ административной и церковно-общественной дѣятельности Григорія, условій, при которыхъ шла эта дѣятельность, и анализа его грамотъ, касающихся церковной администраціи и служащихъ къ уясненію идеала пастырскаго служенія (стр. 201—222), слѣдуетъ обзоръ отдѣльныхъ административныхъ его мѣропріятій, какъ патріарха и какъ гражданскаго владыки православныхъ христіанъ Турецкой имперіи. Перваго рода его мѣропріятія многочисленны и разнообразны. Они касаются — хиротоніи и назначенія на мѣста, какъ клириковъ, такъ равно и самихъ епископовъ (стр. 222—227); совершенія таинствъ, благоповеденія — соотвѣтственно канонамъ — клириковъ, монаховъ и самихъ епископовъ (стр. 227—236); монастырей — ставропигіальныхъ, епархіальныхъ и ктиторскихъ — и жизни монаховъ (стр. 236—277); возобновленія и благоустройства православныхъ приходскихъ храмовъ (стр. 278—291); церковно-народнаго казначейства (стр. 291—306); постройки (въ 1798 г.) новаго патріаршаго дома (стр. 306—310); урегулированія отношеній между епархіальными архіереями и геронтами — постоянными членами великаго патріаршаго синода (стр. 311—315); заведенія метрическихъ книгъ въ приходахъ патріархата (стр. 315—316); «измѣненія въ епархіально-іерархическомъ устройствѣ Греко-Восточной церкви», оставшагося, однакожъ, лишь въ проектѣ (стр. 316—318), и перемѣнъ въ составѣ епархіи (318—319). Ко втораго рода дѣятельности патріарха Григорія V, рисующей гражданскую его власть, какъ «этнарха, владыки и василевса» православной райи въ Турецкихъ владѣніяхъ, отнесены его мѣропріятія къ урегулированію вопроса о приданомъ невѣстамъ, глубоко затрагивавшаго бытовую жизнь Грековъ (стр. 319—330), его заступничество за православную райю предъ Портою (стр. 330—333) и его заботы о развитіи благотворительности, именно — учрежденіи больницъ, богадѣленъ, пріютовъ и т. д. (стр. 333—341).

Содержаніе пятой главы, посвящей заглавіе: «Гражданско-политическая дѣятельность патріарха Григорія въ связи съ обстоятельствами его двукратнаго низложенія и пребыванія на покоѣ», представляется въ слѣдующемъ видѣ. — Въ началѣ авторъ описываетъ завоевательные планы Наполеона на Востокъ и обусловливаемый этимъ характеръ гражданско-политической дѣятельности патріарха Григорія (стр. 342—363); затѣмъ онъ сообщаетъ объ участіи Григорія въ Греческой этеріи, о его низложенія, ссылкѣ и жизни его въ разныхъ мѣстахъ заточенія, преимущественно же на Афонѣ (стр. 363—375); послѣ этого излагаются обстоятельства вторичнаго возведенія Григорія на патріаршій тронъ. рисуется граж-

данско-политическая его дѣятельность при вновь возникшихъ теперь условіяхъ и указываются обстоятельства вторичнаго изложенія его, за которыми и на этотъ разъ слѣдуетъ описаніе его жизни въ мѣстахъ изгнанія, и опять-таки—преимущественно на Аѳонѣ (стр. 375—411). Глава заканчивается указаніемъ обстоятельствъ, при которыхъ Григорій въ третій разъ былъ избранъ на Константинопольскую патриаршую кафедру (стр. 411—413).

Глава шестая, подъ заглавіемъ: «Патріархъ Григорій и Греческое возстаніе», служитъ продолженіемъ предыдущей главы и выдѣлена изъ нея единственно для рѣшенія вопроса объ участи патриарха Григорія въ Греческой этеріи и близко связанномъ съ нею Греческомъ возстаніи 1821 года. Рѣшивъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ (стр. 414—445), авторъ вслѣдъ за тѣмъ описываетъ начало Греческаго возстанія 1821 года (стр. 445—451), приводитъ отлучительныя грамоты патриарха Григорія на псургентовъ (стр. 451—466), кратко изображаетъ жестокости Турковъ, закончившіяся казнью патриарха Григорія и надругательствомъ надъ его трупомъ, особенно со стороны Жидовъ, и, наконецъ, сообщаетъ свѣдѣнія о его погребеніи въ Одессѣ и перенесеніи его мощей, «ровно чрезъ полвѣка», въ Аѳины (стр. 466—477).

Кромѣ того, авторъ приложилъ еще, подъ особою пагинаціей (стр. I—VI), *addenda et corrigenda* къ нѣкоторымъ страницамъ своего сочиненія начиная съ 6-й страницы и кончая 384-й.

Изъ представленныхъ пунктовъ содержанія сочиненія г. А. Преображенскаго легко усматривается его стремленіе объять избранный имъ предметъ, по возможности, всесторонне. Задавшись цѣлью—«дать достаточно детальную и широко освѣщенную на фонѣ эпохи исторію жизни и дѣятельности Григорія V», онъ старается представить каждую сторону дѣятельности этого патриарха именно «на фонѣ эпохи». Такъ, говоритъ ли онъ о просвѣщеніи, епархіальномъ управленіи, монастыряхъ и монастырской жизни, дѣлахъ брачныхъ, переводѣ Библии на простонародный языкъ, учрежденіи типографіи и т. д.,—всѣмъ этимъ вопросамъ онъ предпосылаетъ предшествующую имъ исторію ихъ и затѣмъ уже излагаетъ то, что сдѣлалъ для рѣшенія ихъ патриархъ Григорій. Получается, такимъ образомъ, полная исторія Константинопольской церкви за время патриаршествованія Григорія V и непосредственно ему предшествующее. Авторъ обследовалъ свой предметъ по источникамъ преимущественно Греческимъ, такимъ образомъ держался первоисточниковъ, долженствующихъ дать его сочиненію великую цѣнность и значеніе. Источники эти довольно многочисленны и разнообразны, и авторъ изучилъ ихъ тщательно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ясно чувствуется, что онъ перелагаетъ именно съ Греческаго языка. Добытому матеріалу онъ старался придать связность и стройность, выяснитъ причинны событій и слѣдствія, изъ нихъ вытекающія. Вообще, работа автора можетъ найдти одобреніе и заслуживаетъ его.

Но, при всѣхъ достоинствахъ труда автора, я, тѣмъ не менѣе, съ нѣ-

которыми сужденіями его не могу согласиться; они кажутся мнѣ мало обоснованными и возбуждаютъ сильное недоумѣніе.

Въ характеристикѣ патриарха Григорія V, въ оцѣнкѣ его дѣятельности и въ сужденіяхъ о немъ, какъ личности, замѣчается у автора какая-то двойственность, невыработанность мысли, неустойчивость воззрѣній. Характеризуя патриарха Григорія, какъ церковно-общественнаго дѣятеля и администратора, авторъ говоритъ, что «пастырское и архипастырское управленіе патриарха оставилъ на его современникахъ двойственное и разное впечатлѣніе, въ которомъ свѣтлыя тѣни чередуются съ темными красками, хотя послѣднихъ и меньше, чѣмъ первыхъ» (стр. 201). Разъясняя эту двойственность и разность впечатлѣній современниковъ отъ пастырскаго и архипастырскаго управленія Григорія, авторъ пускается въ такого рода разсужденія: «При всей высотѣ личной аскетической жизни Григорію не доставало широты и полноты библейско-богословскихъ воззрѣній на духъ и задачи христіанскаго пастырства. «Формалистъ и педантъ»—это не есть, конечно, вполне вѣрная, а главное полная, исчерпывающая характеристика Григорія, какъ пастыря и начальника, тѣмъ не менѣе въ ней вѣрно схваченъ и подмѣченъ главный недостатокъ пастырскаго дѣланія патриарха Григорія, недостатокъ жизненности въ его пастырскомъ служеніи, обращенномъ не къ совѣсти человѣческой, а къ пріемамъ дѣятельности мірской, государственной. Слишкомъ вышше и, такъ сказать, починовничьи понялъ и опредѣлилъ онъ свою роль въ церкви—роль полномочнаго организатора вышшихъ порядковъ, вышнихъ сторонъ церковнаго общежитія. Идея внутренняго духовнаго развитія своей паствы, воплощенная и раскрытая въ Словѣ Божіемъ, идея созданія царства Божія въ своей совѣсти и совѣсти вѣрующихъ у него отходила на задній планъ. Въ одной изъ своихъ грамотъ Григорій открыто заявляетъ, что въ управленіи церковью «на первомъ мѣстѣ должны стоять порядокъ и законное управленіе, а потомъ уже пастырство душъ». Въ своей личной, внутренне уединенной жизни онъ явилъ примѣръ истиннаго монаха-подвижника, проникнутаго истиннымъ христіанскимъ благочестіемъ, но въ области пастырства онъ хотѣлъ знать и зналъ только одну добродѣтель послушанія, притомъ не тѣмъ общимъ основоположеніемъ пастырства, которыя подробно раскрыты у отцевъ и въ Библии, но послушанія прямо выраженной воли закона въ отдѣльныхъ параграфахъ разныхъ церковныхъ и гражданскихъ уставовъ». Онъ говорилъ: «Въ послушаніи—жизнь, въ прекословіи смерть».—«Ни одно изъ человѣческихъ учрежденій не сомнѣвалось въ необходимости законнаго порядка, при которомъ только и возможно сдѣлать что-нибудь на общую пользу».—«Когда каждый заботится о томъ, какъ ему лучше, когда сегодня выбираетъ одно, завтра другое, а послѣ завтра—третье, по случайному капризу воли своей, тогда теряется всякое уваженіе къ порядку, законы пренебрегаются и на сцену выходятъ разныя нестроенія и конфликты, подкапывающіе учрежденіе въ самой его основѣ».—«Законы въ церков-

номъ организмѣ—это тоже, что связки въ человѣческомъ тѣлѣ. Если послѣднія крѣпки,—и движенія человѣка совершаются плавно и правильно. Напротивъ, стоить послѣднимъ распасться,—и человѣкъ начинаетъ ходить вертляво и шатко,—также точно и законы. Соблюдаются они,—тогда возможно и «незасорное» управленіе человѣческимъ обществомъ на общую пользу,—нарушаются и пренебрегаются,—и общество теряетъ устойчивость и опредѣленность въ дѣйствіяхъ, перестаетъ жить мирно и согласно между собою».—«Въ тѣхъ частяхъ земнаго шара, гдѣ есть поселенія и города христіанскіе, гдѣ нѣтъ недостатка въ храмахъ, монастыряхъ и лицахъ иноческаго подвига, тамъ и люди, жители этихъ мѣстъ и монастырей, проводятъ жизнь въ порядкѣ, по смыслу и духу апостольскихъ правилъ, по священнымъ постановленіямъ семи вселенскихъ соборовъ, тамъ почиваетъ невидимо Вездѣсущій, Его милосердіе вѣчно осѣняетъ эти края и благодать Пресвятаго Духа незримо, но осязательно сообщается вѣрующимъ въ различныхъ дарахъ духовныхъ. Напротивъ, гдѣ забыты священныя заповѣди, тамъ и жизнь уклоняется отъ порядка. Вездѣсущій является здѣсь не Милостивымъ Отцемъ, а «поядающимъ и палящимъ огнемъ», какъ въ Содомѣ и Гоморрѣ, гнѣвъ Божій на головахъ непокорниковъ, грозитъ истребленіемъ, опустошеніемъ, мучительными потерями и гибелью обрѣтающимся душамъ» (стр. 201—206).

Я преднамѣренно сдѣлалъ эту длинную выписку. Насколько въ ней ясно, точно и опредѣленно все то, что сказано самимъ патріархомъ Григоріемъ относительно законнаго порядка и строенія при немъ христіанскаго пастырства, созданія царства Божія и спасенія душъ, настолько же туманны, расплывчаты и совсѣмъ негодны для руководства критическія замѣчанія автора на воззрѣнія и сужденія патріарха Григорія. Въ самомъ дѣлѣ; я, напримѣръ, не могу представить себѣ, какъ возможно правильное христіанское пастырство при безпорядкѣ, близкомъ къ хаосу?—какъ возможно созданіе царства Божія внѣ послушанія церкви, при самовольномъ поведеніи, презрительно относящемся къ предписаніямъ и уставамъ церкви?—какъ возможно незримое вѣяніе благодати Пресвятаго Духа въ обществѣ, гдѣ каждый прежде всего хочетъ знать свою индивидуальную волю и менѣе всего соображается съ волею Пресвятаго Духа? Патріархъ Григорій высказалъ именно то, что онъ долженъ былъ высказать о пастырскомъ управленіи церковью и условіяхъ правильнаго совершенія пастырства и церковнаго управленія, такъ что упрекать его за это въ какомъ-то педантизмѣ, формализмѣ, чиновничествѣ, склонности къ внѣшнему порядку, по моему мнѣнію, совсѣмъ не слѣдуетъ. Напротивъ, критическія замѣчанія автора для меня не понятны. И прежде всего, что это за «идея внутренняго духовнаго развитія паствы, воплощенная... въ Словѣ Божіемъ?» Откуда она, эта идея и пр., взялась и когда и какъ она начала воплощаться и воплотилась въ Словѣ Божіемъ? Затѣмъ, что это за «идея созданія царства Божія въ своей совѣсти»? Неужели патріархъ Григорій не возгрѣвалъ въ

себѣ, въ своемъ сердцѣ, и въ своей паствѣ царство Божіе? не очищалъ свою совѣсть и совѣсть вѣренной ему паствы по евангельской идеѣ царства Божія? Нѣтъ, все это не правда; приведенная выдержка изъ сочиненія г. А. Преображенскаго можетъ служить краснорѣчивымъ тому доказательствомъ. Да и какъ можетъ совершаться внутреннее духовное развитіе паствы, какъ можетъ создаться царство Божіе въ совѣсти вѣрующихъ внѣ церковнаго порядка, внѣ послушанія заповѣдямъ и уставамъ церкви?—авторъ не потрудился объяснить это и я отказываюсь понять подлинную его мысль. Наконецъ непонятнымъ остается и то, что это за «общія основоположенія паствы», не совпадающія (такой, конечно, долженъ имѣть смыслъ критическій упрекъ автора) съ «прямо выраженной волей закона въ отдѣльныхъ параграфахъ разныхъ церковныхъ законовъ»? Въ сущности, туманная эта фразеологія есть дѣло наносное; всѣ эти *innerlich*'и, получившіе у насъ въ нашей письменности широкое право гражданства, заимствованы отъ Нѣмцевъ; они чужды выработанному въ православной церкви богословскому языку, и, конечно, менѣе всего слѣдуетъ упрекать Григорія за то, что въ его мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ не замѣчается расплывчатости, туманности и спутанности, которой слѣдуетъ авторъ. А то обстоятельство, что онъ прямо и въ сильныхъ выраженіяхъ осуждаетъ индивидуальныя самоопредѣленія воли, съ которыми, на либеральномъ языкѣ, обыкновенно связываются туманныя фразы о внутреннемъ развитіи царства Божія въ своей совѣсти (нравственная автономія субъекта), показываетъ, что онъ стоялъ на высотѣ своего званія, понималъ смыслъ распространявшихся либеральныхъ теченій и старался, по долгу паствы, противодѣйствовать имъ. Но это заслуживаетъ похвалы, а не упрека. Несомнѣнно онъ носилъ въ себѣ идеалъ царства Божія по разуму православной церкви; онъ отлично зналъ, что царство Божіе внутри насъ есть (Лук. XVII, 21), какъ это знаетъ православная церковь, и старался осуществить этотъ идеалъ царства Божія, по разуму православной церкви, какъ въ себѣ самомъ, такъ и въ своихъ пасомыхъ. Но только путь къ осуществленію его избранъ имъ не по туманнымъ фразамъ автора, а соответствующимъ установившимся преданіямъ Константинопольской церкви (см. стр. 204. 211 — 212. 214. 349. 132 — 135 и др.).

Въ связи съ идеаломъ паствы патриарха Григорія V и его пастьорской дѣятельностью слѣдуетъ разсматривать вопросъ объ участіи его въ Греческой этеріи и Греческомъ возстаніи 1821 года, носящихъ революціонный характеръ и стремившихся къ осуществленію совершенно иныхъ принциповъ, чѣмъ какіхъ держался въ своей пастьорской дѣятельности патриархъ Григорій. Г-нъ Преображенскій положительно утверждаетъ, что патриархъ Григорій состоялъ въ союзѣ съ этеристами, былъ однимъ изъ выдающихся членовъ этого тайнаго революціоннаго общества и, такъ сказать, главною пружиною Греческаго возстанія 1821 года. «Патриархъ Григорій,—говоритъ г. Преображенскій,—не остался вѣренъ разъ приня-

тому направленію и изъ лояльнаго консерватора, заштника *statu quo*, неожиданно обратился въ члена сотрудника антиправительственнаго политическаго кружка. Мы не можемъ съ точностью указать, въ какое собственно время вступилъ патриархъ въ политическую этерію Риги, но тайна участія въ ней не можетъ подлежать теперь никакому сомнѣнію» (стр. 364). «Патриархъ (Григорій) былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ «психологическимъ центромъ» движенія; онъ былъ спленъ прежде всего и больше всего своимъ духовнымъ вліяніемъ, цѣпившимся этеристами очень высоко» (стр. 434).

Признаюсь, я не могу согласиться съ этимъ категорическимъ утвержденіемъ автора. Въ жизни патриарха Григорія V все противорѣчитъ этому утверженію. Онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ даннаго Богомъ чрезъ Моисея десятословія, Евангельскаго закона и правилъ церкви; этерпсты, напротивъ, держался свободъ, возвѣщенныхъ Французскою революціей и составляющихъ прямую противоположность сказаннымъ, Богомъ даннымъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, законоположеніямъ во всѣхъ пунктахъ, даже—мельчайшихъ (см. стр. 201—212, 369—373, 409, 132 и сл., 349, 355—358 и др.). Мыслимо ли, чтобы патриархъ Григорій вдругъ отрекся отъ завѣтовъ церкви, ставшихъ второю его природою, и сдѣлался поборникомъ идей «вѣка просвѣщенія», Французскихъ свободъ, которыя онъ только-что осудилъ,—онъ, который, по своему характеру, былъ непоколебимъ въ своихъ мысляхъ? ¹⁾ Мыслимо ли, чтобы онъ сдѣлался, вопреки кореннымъ своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, союзникомъ явныхъ своихъ враговъ и—вмѣстѣ—враговъ церкви (см. стр. 67—68, 215—217)? Вѣдь, при положительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, патриархъ Григорій долженъ явиться однимъ изъ гнуснѣйшихъ лицемеровъ-безбожниковъ, втайнѣ поклоняющимся свободамъ Французской революціи, а явно прикидывающимся поборникомъ православной церкви, строго православнымъ аскетомъ?

Но, отвѣчаютъ, что же дѣлать? Документы съ несомнѣнною убѣждаютъ въ соучастіи Григорія съ этерпстами. Итакъ, всмотримся въ эти «документы». Что они говорятъ?

1) Авторъ ссылается на нѣкоего Иеронима Бояджиса, который, изучая библіотеку Димитанской школы, открылъ въ ней яко-бы документальныя данныя относительно участія патриарха Григорія въ Греческой этеріи (стр. 364; см. стр. 51—55). Такъ ли это? Дѣйствительно ли Бояджисъ открылъ документальныя данныя? Они помѣщены у Ангелопула ²⁾. Пусть всякій просмотритъ ихъ безъ предвзятаго ока, и я позволяю себѣ думать, что, кромѣ сплетней и домысловъ самого Бояджиса, никакихъ «документальныхъ данныхъ», уличающихъ патриарха Григорія, какъ члена

1) Ἰεροκλήτος ἐν ταῖς ἰδέαις αὐτοῦ. Μ. Γεδέων, Πατρ. Πίνακας, σ. 675—676.

2) См. Τὰ κατὰ τον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως Γρηγόριον τὸν ε', καταταχθέντα μὲν ὑπὸ Γ. Γ. Παπαδοπούλου, συλλεγόμενα δὲ καὶ ἐκδοθ. ὑπὸ Γ. Π. Ἀγγελόπουλου. Ἀθην. 1886, τ. II, σ. 541—543, 519—520.

этерин, не найдеть въ нихъ. Сообщенія г. Преображенскаго представляютъ передачу этихъ домысловъ Бояджиса безъ всякой ихъ критики. Всмотрѣмся нѣсколько ближе.

Г-нъ А. Преображенскій, приведши содержаніе письма «архидіакона» Григорія отъ 4 августа 1776 года къ Меѳонскому епископу Анониму, пишетъ: «Благо Греціи, возрожденіе глубоко павшаго отечества, образованіе соплеменниковъ, учрежденіе новыхъ школъ и поддержаніе существующихъ, имѣвшее своею послѣднею цѣлью (σκοπόν) освобожденіе (ἐξέλασις) Эллинновъ отъ ига невѣрныхъ,—вотъ та задача, которую они поклялись преслѣдовать во всякое время, на всякомъ мѣстѣ» (стр. 51 — 55).—Иеронимъ Бояджисъ (Βογιτζισῆς) писалъ къ нѣкоему «брату Платону» (20 авг. 1865 г.): «Но что я открылъ въ сказанной перепискѣ особенно примѣчательнаго, такъ это—горячая ревность онаго высокоталантливаго мужа (Григорія) къ учрежденію и сохраненію Эллинскихъ школъ, имѣющихъ цѣлью изгнаніе Турковъ изъ Эллады» ¹⁾. «Изъ вышесказаннаго письма Григорія (отъ 4 авг. 1776 г.) къ епископу Меѳонскому (Анониму) и изъ многихъ другихъ показаній, какія доселѣ сохранило преданіе, мы хорошо узнаемъ, что между этими двумя энергичными (μεγάλουρῶν) іерархами, Григоріемъ и Анонимомъ, работающими на одномъ и томъ же полѣ и преслѣдующими одну и ту же цѣль—изгнаніе (ἐξόντωσιν) Оттомановъ—существовало величайшее согласіе, и такая таинственность (μυστικότης), что, когда заходила у нихъ рѣчь о посвященіи другихъ въ тайну, то первый изъ нихъ, Анонимъ, посылалъ, съ согласія Григорія, къ нему человека надежнаго (ἄνδρα τῆς ἐμπιστοσύνης) и хорошо знакомаго съ дѣлами тайны» ²⁾. Увѣреніе Бояджиса, что Эллинскія школы преслѣдовали одну главную цѣль—изгнаніе Турковъ изъ Эллады и что оба «неразлучные товарищи» (ἀχώριστοι σύντροφοι) усердно работали на этомъ именно полѣ, есть его собственный домыселъ, а не прочный, твердо, логически обоснованный, выводъ изъ представленныхъ имъ документовъ: ни изъ письма Григорія къ Анониму, ни изъ другихъ выдержекъ (изъ писемъ дидаскаловъ Агапіевъ къ тому же Анониму), приведенныхъ г. Бояджисомъ, этого не видно. Судя по выдержкамъ, рѣчь идетъ вообще о школахъ, безъ всякой инсинуаціи, что конечная цѣль ихъ учрежденія — изгнаніе Турковъ изъ Эллады. Такимъ образомъ г. А. Преображенскій слишкомъ довѣрчиво отнесся здѣсь къ инсинуаціямъ «патріота-учителя» Бояджиса и слишкомъ мало обратилъ вниманія на подлинный смыслъ тенденціозно толкуемыхъ имъ документовъ.

Судя по сообщенію Бояджиса, Григорій вступилъ на революціонный путь съ самаго начала своей общественной дѣятельности, когда еще онъ былъ архидіакономъ въ Смирнѣ. Это же самое невольно возникаетъ

1) Ἄλλ' ὁ, τι ἐν τῇ ρηθείᾳ ἀλληλογραφίᾳ ἀξιοθαύμαστον εὖρον εἶναι ὁ διακκῆς ζῆλος τοῦ μεγάλουρῶς ἐκείνου ἀνδρός εἰς τὴν ἴδρυσιν καὶ διατήρησιν ἐλληνικῶν σχολείων, σκοπόν ἐξόντων τὴν ἐκ τῆς Ἑλλάδος τῶν Τούρκων ἐξέλασιν.

2) Ἀγγελόπ., II, 541—542.

въ умѣ читателя и по прочтеніи разсматриваемыхъ словъ г. А. Преображенскаго (стр. 55). Посему его. Преображенскаго. выраженіе: «въ заключеніе всего самъ Григорій не остался вѣренъ разъ принятому направленію и изъ лояльнаго консерватора, защитника *statu quo*, неожиданно обратился въ члена-сотрудника антиправительственнаго политическаго кружка» (стр. 364; см. стр. 94), вноситъ хронологическую путаницу въ хоръ событій. Читатель спрашиваетъ въ недоумѣніи: какъ? когда же онъ измѣнилъ своей «клятвѣ»—«во всякое время» и «во всякомъ мѣстѣ» «преслѣдовать задачу»—«изгнаніе Турковъ изъ Элады»¹⁾? Когда именно онъ сдѣлался «лояльнымъ консерваторомъ, защитникомъ *statu quo*? Въ сочиненіи г. А. Преображенскаго нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ.

Въ томъ тенденціозномъ толкованіи, какое г. Бояджисъ старается дать перепискѣ Григорія и дидаскаловъ Агапьевъ съ епископомъ Анонимомъ, вступленіе патриарха Григорія въ этерію Риги слѣдуетъ считать весьма естественнымъ. Григорій и Анонимъ, «неразлучные товарищи» и «непримѣримые враги Турковъ» (*ἀδιόλλαχοι τῶν Τούρκων ἐχθροί*), издавна поклялись всѣми мѣрами содѣйствовать сверженію ига Османлисовъ. Поэтому вступленіе Григорія въ этерію Риги, о которомъ далѣе идетъ рѣчь у Бояджиса, было лишь шагомъ впередъ въ разъ принятомъ направленіи. Напротивъ, у автора оно и дѣйствительно является «неожиданнымъ». Предъ этимъ онъ только-что привелъ грамоту патриарха Григорія (отъ 1797 г.) въ защиту царской власти противъ «нечестія и безбожія» Французовъ и противъ проповѣдуемой Французами свободы (стр. 355—358), а теперь вдругъ начинаетъ трактовать о вступленіи Григорія въ этерію Риги, о всяческомъ содѣйствіи его этому обществу, о пропагандѣ его, вербованіи въ него возможно большаго числа членовъ (стр. 364—366), тогда какъ это общество—«этерія Риги»—всецѣло примыкаетъ къ «безбожію и нечестію» Французовъ и къ проповѣдуемой ими свободѣ, или — вѣрнѣе — свободамъ (см. стр. 93 прим.). Это дѣйствительно «неожиданно» и на этой неожиданности слѣдовало бы остановиться, такъ или иначе выяснитъ ее. Авторъ не выясняетъ ея, но просто описываетъ, словамъ Бояджиса, участіе Григорія, какъ «члена-сотрудника», въ этеріи Риги, и заканчиваетъ это описаніе словами: «какъ объ этомъ (т. е. участіи Григорія въ этеріи Риги) даетъ право судить, хотя-бы письмо друга Григорія—учителя Димитанъ Агація Пападопула, отправленное Анониму въ Триестъ 13 мая 1800 года» (стр. 366). У Бояджиса нѣтъ этого «хотя-бы»; напротивъ, онъ обосновываетъ свою догадку объ участіи Григорія въ этеріи Риги *единственно* на письмѣ Агація Пападопула къ епископу Анониму. Авторъ не приводитъ этого письма, ограничиваясь одною ссылкой на него. Напрасно: подлинный текстъ этого письма весьма важенъ въ настоящемъ случаѣ. Именно,

1) См. стр. 55.—Авторъ напрасно переводитъ *ἐξέλασις* словомъ «освобожденіе». *Ἐξέλασις* значитъ именно «изгнаніе», и тогда будетъ: изгнаніе Турковъ, а не Эллиновъ изъ Элады. Такъ именно и значитъ въ подлинникѣ.

Иеронимъ Бояджисъ писалъ «брату Платону»: «Агапѣи (Пападопуло), чрезвычайно обрадованный и благодарный (εὐχυνόμενος) за книги и деньги, въ изобиліи присланныя съ тѣмъ же самымъ Анастомъ на школу, заканчиваетъ письмо такимъ образомъ:... «Тайна, открытая мнѣ Анастомъ, чрезвычайно меня обрадовала и я всячески пожелалъ и исполненія..., и, при воспомнаніи о ней, прихожу въ безмѣрный восторгъ отъ радости... однакожъ здѣшнія обстоятельства угнетаютъ меня и удерживаютъ отъ добраго рѣшенія, но дай Богъ, чтобы Промыслъ Божій даровалъ по вашимъ святымъ молитвамъ... и тогда, при Божіемъ благословеніи, быть можетъ исполнится и пр.»¹⁾ Теперь позволительно спросить: на томъ основаніи, что нѣкій дидаскалъ Агапѣи Пападопуло приходитъ въ неистовый восторгъ при воспомнаніи о какой-то тайнѣ, сообщенной ему епископомъ Анеимомъ чрезъ Анаста, и пишетъ объ этомъ къ тому же самому Анеиму, можно ли съ доброю совѣстью утверждать, что патріархъ Григорій V вступилъ въ этерію Риги и былъ дѣятельнымъ ея участникомъ, и что «участіе это, а равно пропаганда Григорія въ пользу «этеріи» Риги, перестали быть однимъ вѣроятнымъ предположеніемъ, получивъ для себя новыя документальныя основанія» (стр. 364; см. стр. 94)? Думается, что представленныя г. Бояджисомъ доказательства въ пользу своей мысли не имѣютъ никакой доказательной силы и явторъ сдѣлалъ крупную ошибку, не отнесшись критически къ его внушеніямъ и не проанализировавъ представленные имъ «документы».

Слѣдуя во всемъ внушеніямъ г. Бояджиса, г. А. Преображенскій при этомъ заявляетъ еще: «Мы не можемъ съ точностью указать, въ какое собственно время вступилъ патріархъ въ политическую этерію Риги» (стр. 364). Напрасно авторъ не сдѣлалъ попытки опредѣлить это время; для уясненія разсматриваемаго вопроса это было бы очень важно.

Въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Ригѣ авторъ говоритъ, что «первое общее знакомство съ политикой того времени Рига получилъ въ школѣ Александра Ипсиланти» послѣ 1793 года (стр. 92). По словамъ Иеронима Бояджиса къ «брату Платону» Рига Ферей основалъ этерію не за долго до того времени (ὀλίγον πρό τῆς ἐποχῆς), какъ дидаскалъ Димитрианскій Агапѣи Пападопулъ написалъ означенное письмо отъ 13 мая 1800 года къ епископу Анеиму²⁾. Такимъ образомъ основаніе этеріи Ригию могло случиться между 1796 и 1798 годами. Въ 1797 г. патріархъ издалъ грамоту въ защиту царской власти, противъ Французскаго «безбожія» и разноспмыхъ Французами идей свободы, которымъ всею душею былъ преданъ Рига Ферей, но которыя, по словамъ патріарха, обманно

1) Περὶ δὲ τοῦ μυστικοῦ, ὅπου μοι εἶπεν ὁ κύριος Ἀνάστος, μεγάλως ἐχάρην, καὶ ἐπιθυμῶ κατὰ πολλὰ καὶ τὴν ἀπόλαυσιν., καὶ ἐνθυμούμενος ἄλλος ἐξ ἄλλου γίνομαι ἀπὸ τὴν χάριν μου... ὅμως τὰ ἐνταῦθα περιστατικὰ μᾶς δειλιάζουν, καὶ μᾶς ἐμποδίζουν ἀπὸ τὴν καλὴν ἀπόφασιν, καὶ ἄμποτε ἡ θεία πρόνοια νὰ δώσῃ διὰ τῶν ἱερῶν εὐχῶν σας, ... καὶ τότε, Θεοῦ εὐδοκοῦντος, ἴσως πληρωθῆ κλπ. Ἀγγελόπ. II 542—543.

2) Ἀγγελόπ. II, 542.

вовлекають народъ въ пагубу (см. стр. 355—358, 93). Пусть эта грамота, какъ *вынужденная* султаномъ и Россіей, не можетъ имѣть того значенія въ разсматриваемомъ случаѣ, какое она должна была бы имѣть. Тогда мы имѣемъ другой документъ—грамоту патриарха Григорія отъ 1 декабря 1798 года къ митрополиту Смирнскому. Въ ней патриархъ осуждаетъ брошурку: «*Néa πολιτικὴ διαίκησης τῶν κατοίκων τῆς Ῥοῦμῆς, τῶν μικρῶν ἐν τῇ μεσογείῳ νήσων καὶ τῆς Βλαχουπογδανίας*», за то, что она полна мутныхъ мыслей и противорѣчитъ догматамъ нашей православной вѣры, и при этомъ строго наказываетъ митрополиту, чтобы онъ всѣми силами постарался изъять эту брошурку изъ обращенія ея въ народъ и, такимъ образомъ, не допускать этотъ послѣдній до ея чтенія ¹⁾. Эту грамоту патриарха Григорія уже нельзя назвать вынужденною,—по крайней мѣрѣ, имѣтъ данныхъ для этого утвержденія,—она всецѣло плодъ его пастырской попечительности. Теперь возникнетъ вопросъ: когда патриархъ Григорій вступилъ въ этерію Рпги—до 1 декабря 1798 года или послѣ него? Разсматриваемыя грамоты—и отъ 1797 и 1798 годовъ—несомнѣнно принадлежатъ ему и смыслъ ихъ ясенъ. Какая же цѣнность должна быть приписана приведенному отрывку изъ письма дидаскала Агапія Пападопула, смыслъ коего совсѣмъ не ясенъ, въ коемъ говорится о какой-то тайнѣ, познанной имъ совсѣмъ не отъ патриарха Григорія, а отъ другого лица, и притомъ не непосредственно, но—съ точки зрѣнія строго исторической критики—черезъ сомнительное, и даже очень сомнительное, посредство? Кажется здѣсь двухъ отвѣтовъ быть не можетъ, и при этомъ нужно еще помнить, что патриархъ Григорій V былъ твердъ, прямо такъ непреклоненъ въ разъ высказанныхъ имъ мысляхъ.

Итакъ, въ виду всего сказаннаго, можно упрекнуть здѣсь автора въ некритичности. Было бы лучше, если бы онъ разсмотрѣлъ документы сами въ себѣ внѣ всякихъ инсинуацій «патріота-учителя», Бояджиса.

Равно замѣчается у него отсутствіе критики и въ сообщеніяхъ другихъ «безспорныхъ документальныхъ данныхъ», свидѣтельствующихъ объ участіи патриарха Григорія въ греческой этеріи и греческомъ возстаніи 1821 года. Къ этого рода «безспорнымъ» документамъ относятся:

2) Письмо патриарха Григорія (отъ 30 іюля 1819 г.) къ бею Лаконіи Мавромихали, склоняющее его «оставаться твердымъ и непоколебимымъ въ достохвальномъ и боголюбезномъ рѣшеніи—оказать все усердіе къ покровительству общественной школы» и устройству на его родинѣ «общаго греческаго музея» ²⁾. Приведши этотъ «документъ», г. Преображенскій замѣчаетъ: «Вотъ первый, документально удостовѣренный и одинаково принимаемый всѣми фактъ, показывающій, что патриархъ Григорій, раздѣляя ближайшія, очередныя, такъ сказать, задачи, виды и планы этеріи, не отказывался и самъ, съ своей стороны, оказывать давленіе на

1) Ἀγγελόπ. II, 498—499.

2) См. Ἀγγελόπ., op. cit., I, σ. 216—217

извѣстныхъ лицъ, обѣщавшихъ принести существенную пользу общенародному дѣлу». При чтеніи этихъ строкъ, читатель останавливается въ недоумѣніи и спрашиваетъ: гдѣ же этотъ, «документально удостовѣренный фактъ», свидѣтельствующій о несомнѣнномъ участіи патріарха Григорія въ греческой этеріи и греческомъ возстаніи 1821 года? Вѣдь въ письмѣ Григорія говорится объ устройствѣ школы, и—только школы, и ни о чемъ болѣе. Но, замѣчаетъ авторъ, «подъ устройствомъ общей школы разумѣлась въ перепискѣ этеристовъ—организація и подготовка общаго греческаго возстанія», и «дешифрировать посланіе начальника церкви не стоило разумѣется никакого труда лицу, посвященному во всѣ условности этерической переписки» (стр. 428—430). Въ аргументаціи этой прежде всего бросается въ глаза препротивный *circulus in demonstrando*: участіе патріарха Григорія въ этеріи доказывается документомъ: но, чтобы этотъ документъ дѣйствительно имѣлъ доказательную силу, слѣдуетъ предварительно дешифрировать его, а дешифрированіе его возможно лишь подъ условіемъ предварительнаго принятія факта, какъ не подлежащаго сомнѣнію, что Григорій входилъ въ составъ этеріи и зналъ всѣ условныя ея знаки. Спрашивается, развѣ можно строить доказательства такимъ образомъ?.. А затѣмъ, при разсмотрѣніи этого письма Григорія, не принято авторомъ во вниманіе ни одно изъ требованій критики, обязательныхъ въ случаяхъ подобнаго рода. Дѣйствительно ли письмо это принадлежитъ Григорію? Не сочинено ли оно самими этеристами и затѣмъ преподнесено Мавромихали, чтобы тѣмъ вѣрнѣе вовлечь его въ свое дѣло? Но пусть оно подлинно принадлежитъ Григорію,—не обманули ли этеристы самого Григорія, выманивъ у него письмо въ цѣляхъ яко-бы устройства общаго греческаго музея, а въ дѣйствительности коварно употребивъ его на цѣли революціоннаго общества и самой революціи. Вообще, заслуживаютъ ли довѣрія этеристы? Менѣе всего. О патріархѣ Григоріѣ V, «непоколебимомъ въ своихъ воззрѣніяхъ», съ несомнѣнностью извѣстно, что онъ наирѣшительнѣйшимъ образомъ отвергъ (*ἀπεδοκίμασεν*) идею «вѣка просвѣщенія» (*ἑπιστημονή*), какъ враждебную ученію христіанской вѣры (*πρός τῆ θεῆς*), и соотвѣтственно этому осудилъ и школьное обученіе, стремящееся образовать греческое юношество по смыслу идей «вѣка просвѣщенія». Въ этомъ дѣлѣ у Григорія не было ни колебаній, ни уступокъ, ни малѣйшаго вида фальши ¹⁾. Между тѣмъ этеристы, увлеченные идеями «вѣка просвѣщенія», нетерпѣливо стремившіеся реформировать греческій народъ по началамъ пронесшейся ураганомъ по Европѣ французской революціи, способны были, для осуществленія своихъ цѣлей, на всякаго рода обманъ и на всевозможныя преступле-

1) М. Γεδέων, Πατριάρχ. Πίνακας, σ. 635. См. мартовскую энциклику Григорія отъ 1819 года относительно преподаванія въ школахъ. У А. Преображенскаго стр. 131—135. И. Соколовъ, Константинопольская церковь въ XIX в. С.-Петербургъ, 1904, т. I, стр. 492—495. Что же? Патріархъ Григорій одною рукою нынѣ созидаетъ то, что на слѣдующій день разрушалъ? Но этого-то именно за нимъ и не замѣчается.

нія. Вѣдь не поколебались же они утопить Кипріака Камаринноса, когда онъ началъ всюду разглашать о рѣшеніи Каподистріи не принимать участія въ дѣлахъ греческой этеріи (см. стр. 428)? А вѣдь Кипріакъ Камариннось ближе всего могъ бы раскрыть бою Мавромихали какъ отношеніе патріарха Григорія къ революціи, такъ равно и истинное положеніе преслѣдуемаго этерпстами революціоннаго дѣла. Да и на то еще слѣдуетъ обратить вниманіе, что, если Каподистрія отказался принимать участіе въ греческой этеріи, то какъ же можно предполагать это относительно патріарха Григорія, который не менѣе Каподистріи знакомъ былъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ, не менѣе его былъ остороженъ и къ тому же занималъ отвѣтственный постъ? У автора нѣтъ отвѣта на эти вопросы. II «дешифрированіе» разбираемаго письма Григорія, и всѣ связанныя съ нимъ разсужденія автора цѣлкомъ замаскированы имъ у грековъ—жаркихъ сторонниковъ и хвалителей греческой этеріи и возстанія греческаго 1821 года, желающихъ во что бы то ни стало связать съ этимъ «великимъ дѣломъ» выдающееся въ греческой церкви лицо патріарха Григорія V ¹⁾. Собственной критики, дѣйствительно научныхъ воззрѣній автора, крайне желательныхъ въ данномъ случаѣ, не замѣчается.

3) Все то, что авторъ говоритъ объ участіи Григорія въ этеріи и греческомъ возстаніи 1821 года со словъ этерпстовъ (стр. 432—437), нужно отнести къ разряду сплетней и выдумокъ этихъ этерпстовъ. Такъ, напримѣръ, патріархъ Григорій внушаетъ нѣкому Іоанну Папарригопулу, совѣтующемуся съ нимъ о дѣлахъ этеріи: «Самое лучшее для насъ было бы выждать времени Русской войны, не вѣряться случайностямъ и готовить средства» (стр. 436). Возникаетъ вопросъ: могъ ли такъ говорить патріархъ Григорій Папарригопулу, «оставивъ его ночевать у себя»? Вѣдь Россія почти только-что окончила войну съ Турціей и была истощена войною съ Наполеономъ. Гдѣ же тѣ данныя, по которымъ патріархъ могъ обнадеживать этерпстовъ скорою войною Турціи съ Россіей и въ этомъ смыслѣ давать имъ совѣты, даже болѣе—руководить ихъ дѣйствіями? Не изобличаетъ ли ихъ разсказъ собственныхъ ихъ намѣреній? Авторъ, видимо, самъ чувствуетъ это, когда замѣчаетъ, что весь приведенный имъ разсказъ объ участіи Григорія въ этеріи можно и отбросить, «въ виду того, что онъ идетъ изъ вторыхъ и притомъ частныхъ рукъ». По моему мнѣнію, было бы вѣрнѣе, если бы авторъ не обинуясь совсѣмъ отвергъ его, такъ какъ онъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія, ни по внутреннимъ, ни по внѣшнимъ признакамъ ²⁾. Что касается письма Григорія къ митрополиту Палеопатрскому Герману, въ которомъ говорится объ устройствѣ школы и «квотѣ милости», то относительно его нужно замѣтить все то, что только что сказано мною относительно письма Григорія къ Мавромихали. Посему, если авторъ замѣчаетъ съ торжествующею самоувѣренностью въ одержанной побѣдѣ,

1) Ἀγγελόπ., op. cit., I, 214—217.

2) Ἀγγελόπ., op. cit., I, 368—372.

что вотъ-де—«ни въ какомъ случаѣ нельзя уничтожить письма, смыслъ котораго не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній: очевидно для каждаго, что подъ школою здѣсь нельзя разумѣть учебное заведеніе, равно и назначеніе «квота милости» оказывается къ этому времени уже не исключительно благотворительнымъ» (стр. 437), то это замѣчаніе его отнюдь не есть плодъ чисто научнаго критическаго отношенія его къ этому письму Григорія, а совершенно некритическое пріятіе на вѣру тенденціозныхъ толкованій грековъ—сторонниковъ этеріп, желающихъ во что бы то ни стало связать съ ея существованіемъ, для поддержанія, возвышенія и нѣкотораго оправданія ея, высокое имя патріарха Григорія ¹⁾. Равно при разборѣ и этого письма Григорія бросается въ глаза указанный противный *circulus in demonstrando*.

4) Опираясь на письмо патріарха Григорія (отъ 28 декабря 1820 г.) къ Салонскому епископу Исаи, авторъ говоритъ, что патріархъ-мученикъ, по крайней мѣрѣ къ концу подготовительнаго къ борьбѣ періода, прекрасно освѣдомленъ былъ со всеѣмъ ходомъ движенія, зналъ настроеніе отдѣльныхъ лицъ, самъ имѣлъ неоднократно совѣщанія съ довѣрявшими ему дѣятелями возстанія и несомнѣнно велъ постоянную интенсивную переписку съ инсургентами *Целопонниса* ²⁾.

Безспорно, письмо это, усвояемое патріарху Григорію, конспиративнаго характера. Въ виду такой важности его выпишемъ его сполна, тѣмъ болѣе, что оно незначительно по своему объему. Патріархъ писалъ Исаи:

«Боголюбезный епископъ и братъ Исаія. Два почтенныхъ письма твои чрезъ дорогого земляка нашего—капитана Фунту Галаксидіота я получилъ въ сохранности и внимательно ознакомился съ ихъ содержаніемъ. Великая потребна намъ, братіе, осторожность и осмотрительность на каждомъ шагу. «Дніе лукави суть» и между братіей не мало фарисеевъ-предателей, отъ которыхъ бѣгайте, какъ отъ паршивой овцы. Ибо многіе злоумышляютъ подъ маской любви. Поэтому, думаю, я поступаю благоразумно, совѣтуюсь съ довѣряющими мнѣ соотечественниками во всемъ, требующемъ осторожности. Галаксидіоты, чрезъ которыхъ ты постоянно пересылаешь мнѣ письма, поступаютъ предусмотрительно, и отъ нихъ-то я узналъ, что, кромѣ развѣ самаго невиннаго, ни одному, даже малѣйшему неосторожному слову не слѣдуетъ нынѣ «срывать съ устъ»; не только твои, но и письма Морейскихъ братьевъ они всегда доставляютъ мнѣ. Поступокъ Папандрея ³⁾ самый патріотическій для знающихъ «внутренняя его» (его душу, характеръ), осуждаютъ же его не знающіе этого человѣка. Тайно прикрывай, защищай его, а явно отрицайся незнаніемъ (играй въ невинность!), а иногда даже и осуди предъ благонамѣренными(?) братьями, въ особенности же предъ чужими. Успокаивай визиря сло-

1) Ibid. I, 216, 223—224.

2) Курсивъ автора.

3) «Замѣчательнаго дѣятеля освободительнаго движенія»—«партизана-разбойника».

вами и обѣщаніями, но не предавай въ уста льва. Привѣтствуй отъ меня съ моими благопожеланіями мужественныхъ братьевъ, склоняя ихъ къ скрытности «страха ради іудейска». Да будутъ они мужественны, какъ львы, и благословеніе Господне да укрѣпляетъ ихъ: близъ есть Господня пасха, при дверехъ. Молитвы моей мѣрности на главѣ твоей, возлюбленный братъ Исаія,—трудись неутомимо и обильный урожай пошлетъ тебѣ Всемогуцій.—28 декабря 1820 года».

Это письмо патріарха Григорія къ епископу Исаиіи приведено авторомъ въ «pendant» (pendant?) къ заявленію этерпстовъ въ ихъ мемуарахъ (*Απομνημονεύματα*) о «несомнѣнномъ» участіи Григорія въ ихъ тайномъ обществѣ. Авторъ вѣритъ этому заявленію этерпстовъ и замѣчаетъ, что «въ лицахъ, близко стоявшихъ къ составу дирекціи тайнаго общества, горячее сочувствіе Григорія греческому возстанію не возбуждало никакого сомнѣнія, что они смотрѣли на патріарха не какъ на пассивное, а какъ на активное орудіе революціонной борьбы, способное на самые рѣшительные поступки ради спасенія національнаго знамени» (стр. 439—443).

Какъ смотрѣть на эти документы?

Уже ко всякаго рода мемуарамъ слѣдуетъ относиться съ великою осторожностью и критически, а къ мемуарамъ греческихъ этерпстовъ, касающимся отношеній патріарха Григорія къ этеріи, и еще съ большею осторожностью и критичностью. Изъ всѣхъ обстоятельствъ и сообщеній ихъ касательно положенія и дѣйствій этеріи съ несомнѣнностью открывается, что имъ, для успѣха затѣяннаго ими предпріятія, необходимо было, во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами, показать народу, что ихъ дѣло одобряетъ, благословляетъ и всячески содѣйствуетъ ему самъ энархъ, вавилевскій и общій отецъ ихъ—вселенскій патріархъ. Только подъ этимъ условіемъ народъ, въ своей массѣ, могъ еще примкнуть къ нимъ. За недостаткомъ фактическихъ данныхъ здѣсь могъ быть практикуемъ только обманъ и при томъ—въ широкихъ размѣрахъ. Что разсматриваемое сообщеніе мемуаровъ (Ксанѳа) объ участіи Григорія въ тайныхъ заговорахъ этеріи представляетъ сплетню; въ этомъ, по моему мнѣнію, нельзя сомнѣваться. Такъ, грамота патріарха Григорія къ нѣкому Димитрію Θεμελίσсу, гдѣ онъ побуждаетъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, «честнѣйшихъ прокрптовъ и проэстовъ» содѣйствовать этому Θεμελίσсу въ «устройствѣ» его «финансовыхъ дѣлъ», за что онъ «стяжать себѣ вѣчную славу» (стр. 439—440), представляется какою-то нелѣпостью изъ нелѣпостей. По крайней мѣрѣ я иначе не могу отнести къ ней: писать такимъ образомъ «вселенскій патріархъ» не можетъ. Видимо, она всецѣло—плодъ фантазіи этерпстовъ. Такого рода «документы», выставляемые мемуарпстамп, не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія. Они бросаютъ густую тѣнь на самые мемуары.

Но и приведенное письмо патріарха Григорія къ епископу Исаиіи нужно отнести также къ подлогамъ, и именно—съ цѣлью склонить публику на свою сторону. Здѣсь, въ этомъ письмѣ, прежде всего отмѣчу, что

авторъ не совсѣмъ точно передалъ содержаніе его. Такъ, «дніе (χρόνοι) лукави суть» авторъ заковычилъ произвольно; въ подлинникѣ ковычекъ не имѣется. Слова: «и между братіей не мало фарисеевъ-предателей, отъ которыхъ бѣгайте, какъ отъ паршивой овцы»,—составляютъ передачу подлинника: καὶ ἐν τοῖς φιλοπατριώταις ἔστι καὶ μοχθηρῶν ζύμη, ἀφ' ἧς, ὡς ὑφαλέου προβάτου, φυλάττεσθαι, каковую передачу нельзя назвать точною. Равно нельзя назвать точно переданною и слѣдующую фразу: «п отъ нихъ-то я узналъ, что, кромѣ развѣ самаго невиннаго, ни одному, даже малѣйшему неосторожному слову не слѣдуетъ нынѣ «срыватьсь съ усть». Въ подлинникѣ значитъ: καὶ ἀφ' ὧν ἔγνω, ἀδύνατον ἀντιπαντοῦς τιμίου, οὐδ' ἐλάχιστον λόγον ἕρκος ὀδόντων φυγεῖν. А это значитъ: «п отъ нихъ-то я узналъ, что, кромѣ дозволеннаго закономъ (τιμίου), нельзя произносить даже самаго невиннаго слова». «Срыватьсь съ усть» заковычены авторомъ произвольно; при томъ же, φυγεῖν не значитъ: срывать. Равно произвольно заковычены слова: «внутренняя его» (τῆ μύχια), «благонамѣренными» (θεοσεβέσιν), «страха ради іудейска». Что слово: «благонамѣренными», которое авторъ сопроводилъ еще знакомъ вопроса, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ слову: θεοσεβέσιν, особенно въ ходячемъ, часто проницескомъ его значеніи по отношенію къ политически блоннамѣреннымъ лицамъ, объ этомъ достаточно упомянуть. Слова п выраженія, поставленныя въ скобкахъ, принадлежатъ автору; въ подлинникѣ не значатся ¹⁾).

Теперь получается нижеслѣдующее.—Патріархъ внушаетъ епископу, чтобъ онъ берегся отъ «закваски людей лукавыхъ», т. е. ни подъ какимъ видомъ не выдавалъ бы имъ тайнъ революціи. Ниже, по связи рѣчи, словамъ: μοχθηρῶν ζύμη (закваска людей лукавыхъ), соотвѣтствуютъ слова: τοῖς θεοσεβέσιν ἀδελφοῖς (благочестивымъ, набожнымъ, богобоязненнымъ братьямъ), п предъ этими-то благочестивыми братьями патріархъ рекомендуетъ епископу, ради пользы революціи, лицемерить. Принципомъ для оцѣнки п людей п ихъ дѣятельности всюду въ этомъ письмѣ выставляется чисто революціонная этика, которая даетъ ему основной тонъ. Возникаетъ вопросъ: мыслимо ли въ устахъ епископа,—п не просто епископа, а патріарха, вселенскаго патріарха, первоіерарха православной церкви, заявившаго себя ревностью о сохраненіи праотцевскаго, церковнаго благочестія,—отождествленіе «благочестивыхъ, набожныхъ, богобоязненныхъ братьевъ» съ «закваскою людей лукавыхъ», по принципу чисто революціонной этики? Допустимо ли такое отождествленіе, по принципу революціонной этики, въ устахъ патріарха, заявившаго себя поборникомъ совершенно иныхъ началъ, иной этики? Думается, что здѣсь возможенъ одинъ только отвѣтъ — отрицательный. Выраженіе: «п отъ нихъ-то я узналъ, что, кромѣ дозволеннаго закономъ, нельзя произносить даже самаго невиннаго слова», весьма обычно въ устахъ «освободп-

1) См. Ἀγγελόπ. I, 219—222.

телей», которые пменно стремятся переступить предѣлы, установленные закономъ, бываютъ обыкновенно недовольны установленною закономъ свободою слова, а ищутъ полной свободы его, доходящей до разнузданности, но никакъ не въ устахъ іерарховъ, которые уже саномъ своимъ обязываются къ *παύτος τήσιν*, ко всему тому, что законно, что чуждо распущенности. Въ виду открыто заявленныхъ желаній и стремленій патриарха Григорія V, подобная фраза звучала бы полнымъ диссонансомъ въ устахъ его,—она не допустима. «Поступокъ Папандрея» (*ἡ τοῦ Παπαυδρέου πράξις*) авторъ сопровождаетъ примѣчаніемъ, что подъ нимъ, «быть можетъ», нужно разумѣть убійство Папандреемъ одного турка, послѣ чего Папандрей сталъ вести клефтскую жизнь (стр. 443, прим.). Да, быть можетъ; а если не такъ, то, во всякомъ случаѣ, подъ *πράξις* Папандрея слѣдуетъ разумѣть дѣяніе преступнаго свойства. По этому поводу рекомендуется патриархомъ широкое примѣненіе еретическаго (именно — Манхейскаго, Прискиллиантскаго) положенія: *jura, perjura, secretum prodere poli* (что, впрочемъ, замѣчается во всемъ рассматриваемомъ письмѣ); внутренно одобряется убійство или иное какое-либо злодѣяніе, а внѣшне, съ цѣлью обмана, прикрывается оно; вообще санкціонируются такія средства, которыя болѣе свойственны «борцамъ за свободу» въ духѣ началъ Французской революціи, выступающимъ съ полнымъ осужденіемъ установленнаго, «оффиціальнаго» порядка, чѣмъ православно мыслящимъ людямъ.

Итакъ, что же?—Безспорно, рассматриваемое письмо патриарха Григорія V идетъ въ разрѣзъ со всѣми несомнѣнно ему принадлежащими письмами, грамотами, писаніями, со всѣмъ образомъ его жизни, со стилемъ его языка, какъ онъ выразился въ несомнѣнно принадлежащихъ ему грамотахъ. Что-нибудь одно: или Григорій—послѣдователь десято-словія Моисея, заповѣдей Христа и всѣхъ, покоящихся на нихъ, уставовъ православной церкви, или же онъ—горячій приверженецъ идей «вѣка просвѣщенія», началъ Французской революціи, которыми были одушевлены этеристы и которыя они старались провести въ жизнь своего народа. Былъ ли Григорій лицѣмѣромъ, каковой еще не возсѣдалъ—ни прежде, ни послѣ—на Константинопольскомъ патриаршемъ тронѣ? Я, напримѣръ, ни одной секунды не могу допустить, чтобы, заявившій себя твердостью мысли и приверженностью къ ученію православной церкви, Григорій могъ рекомендовать еретическое: *jura, perjura, secretum prodere poli*; чтобъ онъ могъ одобрять преступныя дѣянія, подъ какимъ бы благовиднымъ предлогомъ они ни были совершены, и чтобы онъ могъ освящать своимъ авторитетомъ и всякія другія средства, не допустимыя съ точки зрѣнія христіанской нравственности, но обычно практикуемыя «борцами за свободу» по началамъ Французской революціи. Вѣдь послѣдованіе патриарха Григорія евангельскимъ завѣтамъ, заповѣдямъ и уставамъ православной церкви несомнѣнно извѣстно; воспріятіе же имъ идей

«вѣка просвѣщенія» и его послѣдованіе началамъ Французской революціи нужно еще доказать—несомнѣнными, подлинными документами.

Что же здѣсь мы видимъ?—Приписываемое патриарху Григорію V письмо къ епископу Исаи, противорѣча всѣмъ извѣстнымъ его дѣяніямъ и писаніямъ, какъ аскета, епископа и патриарха, всецѣло соотвѣтствуетъ тѣмъ началамъ, какихъ держался нѣкій Фунта или Гканута, и тому образу поведенія, какой усвоится этому послѣднему въ его жизнеописаніи.

Биографическія свѣдѣнія о Фунтѣ помѣщены у Ангелопула подъ текстомъ разбираемаго письма патриарха Григорія къ епископу Исаи. Здѣсь же, между прочимъ, значитъ, что Фунта служилъ посредникомъ въ перепискѣ патриарха Григорія съ епископомъ Исаией и что письма Григорія сохранились у этого самаго Фунты. Нельзя не отмѣтить, что источникъ, откуда идетъ сообщеніе о письмѣ патриарха Григорія къ епископу Исаи, крайне сомнительнаго свойства. Далѣе, достойно примѣчанія въ указанныхъ свѣдѣніяхъ о Фунтѣ еще то, что въ нихъ обрѣтаются и рекомендаціи правила: *jura, regjura, secretum prodere poli*, и одобреніе убійства ради политическихъ цѣлей, и прочее тому подобное. Безспорно, между разбираемымъ письмомъ патриарха Григорія къ еп. Исаи и биографическими свѣдѣніями о Фунтѣ существуетъ, съ этой стороны, полное согласіе. Конечно, это не можетъ не наводить на мысль, что разбираемое письмо патриарха Григорія къ еп. Исаи вышло изъ мастерской «освободителей», сторонниковъ этеріи. Къ сказанному слѣдуетъ прибавить еще слѣдующее: письмо обнародовано потому, что «въ наши времена тревожнаго малодушія (*τῆς παραχώδους μικροπθείας*) и холоднаго эгоизма (*φιλαυτίας*) воспоминаніе объ оныхъ, достойныхъ удивленія, дѣлахъ самопожертвованія и любви къ своему роду представляется благодѣтельнымъ для нашего высшаго клира и нашихъ политиковъ (*πολιτευομένων*). Ибо... теперь эпигоны стремятся къ тому, чтобъ изгладить память о дѣлахъ отцевъ, какъ бы слѣдъ какого-нибудь вражескаго племени»¹⁾. А это означаетъ, что фабрикація разбираемаго письма Григорія къ Исаи, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, произошла или не задолго до смерти Фунты, или вскорѣ послѣ его смерти,—вѣрнѣе же послѣ его смерти,—ибо къ этому времени относится начавшаяся усиленная агитація либераловъ противъ высшаго Константинопольскаго клира. Во всякомъ случаѣ разбираемое письмо Григорія къ еп. Исаи по всѣмъ признакамъ—и внутреннимъ и внѣшнимъ—слѣдуетъ признать подложнымъ, вышедшимъ изъ мастерской сторонниковъ и хвалителей этеріи, каковыми явились въ послѣдствіи всѣ либералы. Въ самомъ дѣлѣ, начальникъ-патриархъ, вручая этеристу письмо, прямо унижительное для патриарха (этого не можетъ не сознавать даже плохой патриархъ) съ наказомъ передать его подчиненному ему епископу, не рисковалъ ли всею

1) Ἀγγελοπούλου, II, 219—222.

системою своего управленія не только своимъ патриархатомъ, но, какъ эонархъ, и всѣмъ православнымъ народомъ въ Турецкихъ владѣнїяхъ? не ставилъ ли онъ себя въ полную зависимость отъ лицъ, безусловно ненадежныхъ съ правительственной точки зрѣнїя? Другого отвѣта, кромѣ положительнаго, здѣсь быть не можетъ. Но мыслимо ли это?.. Съ полною достовѣрностью можно сказать лишь то, что авторъ, принимая разсматриваемое письмо патриарха Григорїя къ епископу Исаїи за подлинное, и въ этомъ случаѣ слишкомъ довѣрчиво отнесся къ явно тенденціозному мнѣнїю Грековъ¹⁾.

Наконецъ, не мѣшаетъ принять во вниманїе еще того соображенїя что патриархъ Григорїй V былъ виднымъ носителемъ идей и преданїи Константинопольскаго патриаршаго трона. Между тѣмъ этотъ тронъ отрицательно отнесся и продолжаетъ относиться къ идеямъ «вѣка просвѣщенїя», нашедшимъ свое воплощенїе во Французской революціи и въ другихъ, совершившихся и совершающихся, революціяхъ. Чтò же? Григорїй пзмѣнилъ традиціямъ Константинопольской церкви? Но тогда какъ смотрѣть на указанныя его грамоты — отъ 1 декабря 1798 года и мартовскую 1819 года? Какъ не замѣтили его пзмѣны, — да и теперь еще не замѣчаютъ, — преемники его, вообще чуткіе къ малѣйшимъ нарушенїямъ принятыхъ ими завѣтовъ своей церкви? Явно, что увлеченїи идеями «вѣка просвѣщенїя» съ его стороны не было и потому они не замѣчали ихъ въ немъ и не замѣчаютъ, не допускали ихъ въ немъ и не допускаютъ.

5) На стр. 409—410 г. А. Преображенскїи пишетъ: «Не много вообще фактовъ сохранила историческая память о жизни и дѣятельности патриарха Григорїя во время его вторичнаго пребыванїя на Аѳонѣ, но между ними есть одинъ безспорно выдающагося значенїя для всей послѣдующей судьбы Григорїя. Разумѣемъ совершившееся на Аѳонѣ посвященїе Григорїя въ тайны и планы революціоннаго общества, подготовившаго извѣстное греческое возстанїе 1821 года, такъ наз. «*Ετχιρία τῶν φιλικῶν*». При чтенїи этихъ словъ прежде всего возникаетъ вопросъ: чтò это за «*Ετχιρία τῶν φιλικῶν*? Откуда она вдругъ взялась? Имѣетъ ли она какое-либо отношенїе къ этерїи Риги? Авторъ ничего этого не выяснилъ²⁾. Выходитъ какъ будто-бы такъ: патриархъ Григорїй V только и зналъ, что вступалъ въ тайныя революціонныя общества и всячески содѣйствовалъ имъ. Это именно явствуетъ и изъ слѣдующихъ словъ г. А. Преображенскаго: «Бывшїй сторонникъ Риги, другъ извѣстнаго Аноима Каракалла Меонскаго, посвященный имъ во всѣ подробности Морейскаго возстанїя 1769 года, (Григорїй) съ живѣйшимъ энтузіазмомъ прївѣтствовалъ задачи и организацию новаго общества, молитвенно

1) См. *Αγγελοπ.* I, 216, 219—222.

2) Это общество основано въ концѣ 1814 г. или въ 1815 г., но развиваться стало только около 1817 года. См. С. Палаузовъ, Румынскїя господарства Валахїя и Молдавія. Спб. 1859. стр. 166.

желалъ ему всякаго успѣха, сказалъ: «ἐὺ μέγα ἔχετε ποῦ ἢ ἔχετε» («гдѣ я съ вами, тамъ и все мое ваше») (стр. 411).

Конечно, человѣкъ, постоянно находившійся и находящійся въ сношеніяхъ съ революціонерами, весьма могъ «съ живѣйшимъ энтузіазмомъ привѣтствовать задачи и организацію новаго (революціоннаго) общества». Но вопросъ въ томъ именно и состоитъ, дѣйствительно ли патріархъ Григорій V только и зналъ, что входилъ въ составъ разныхъ революціонныхъ обществъ? Авторъ не показалъ этого. Первое пребываніе Григорія на Аѳонѣ онъ изображаетъ чертами аскета-праведника. «Посѣщая святогорскіе обители и скиты,—говоритъ онъ,—Григоріи «проповѣдывалъ въ нихъ слово Божіе, склонялъ монаховъ Горы къ дѣлу Божію и добродѣтели», свойственнымъ иноческому званію.—Своею щедрою и нелицемѣрною благотворительностью «отъ скуднаго содержанія» онъ подвигнулъ на дѣло милостыни и Аѳонскихъ монаховъ; своими занятіями по изученію Библии онъ поддерживалъ въ инокахъ любовь къ чтенію слова Божія. Молитвѣ нечего, повидимому, учить монаховъ св. Горы, но патріархъ и ее постарался сдѣлать болѣе легкой для самихъ молящихся и болѣе угодной для Бога» и т. д. (стр. 370—371). И теперь, во время второй ссылки, «личная домашняя жизнь патріарха (Григорія) на Аѳонѣ, по словамъ автора, по прежнему носила характеръ серьезной аскетической простоты» (стр. 409). Какъ же связать эти два явленія: истинный аскетизмъ патріарха въ православно-монашескомъ смыслѣ этого слова и внезапное (да, внезапное!) вступленіе его въ революціонное общество—съ «молитвеннымъ» пожеланіемъ ему всякаго успѣха? Здѣсь преподносится очевидная несообразность, свидѣтельствующая о ненадежности источниковъ подобныхъ свѣдѣній. Въ самомъ дѣлѣ, откуда заимствованы извѣстія? Какъ именно представляется въ нихъ вступленіе патріарха Григорія въ означенное новое революціонное общество?

Извѣстія идутъ отъ участниковъ этеріи и возстанія грековъ въ 1821 году — упомянутаго Ксанѳа и точно такого же участника этеріи и того же греческаго возстанія 1821 года Флимона¹⁾. По словамъ Ксанѳа и Флимона, агентъ этеріи, Іоаннъ Фармакидъ, «пропагандистъ» въ Фессаліи и Македоніи, «зашелъ (въ апрѣлѣ—маѣ 1818 г.) на св. Гору и здѣсь имѣлъ переговоры съ патріархомъ Григоріемъ» (стр. 410—411). Что сообщенія Ксанѳа мало заслуживаютъ довѣрія.—это мы видѣли. Но и сообщенія Флимона не лучше. Читатель, знакомый съ образомъ жизни и настроеніемъ Аѳонскихъ монаховъ, прежде всего усомнится, какимъ образомъ революціонный агентъ, съ пропагандою революціоннаго дѣла, могъ забраться на Аѳонъ, гдѣ все говорило и было настроено противъ революціи? Могла ли укрыться тайна его пропаганды среди наисвободнѣйшей «республики» и вмѣстѣ «мастерской благочестія»? Еще менѣе

1) Гуда, какъ самъ черпавшій изъ тѣхъ же источниковъ, не можетъ быть принять здѣсь во вниманіе.

вѣроятно быстрое согласіе патріарха на предложеніе Фармакида. Вѣдь послѣдній съ правомъ могъ примѣнить къ себѣ извѣстное изрѣченіе: *veni, vidi, vici*, — пришелъ, поговорилъ, убѣдилъ, получивъ отвѣтъ патріарха: «я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ»¹⁾. Но тутъ тотчасъ же присовокупляется и еще слѣдующее охлаждающее извѣстіе: патріархъ не пожелалъ «присягнуть ученію по установленной формѣ, помимо «клятвы своею архіерейскою совѣстью», и занести свое имя въ оффиціальныя списки членовъ этеріи» (стр. 411). Какъ? Патріархъ могъ торговаться съ этеристами, какою клятвою онъ долженъ присягать имъ? Допускалъ «клятву своею архіерейскою совѣстью» ставить ниже какой-то революціонной клятвы революціоннаго общества? И послѣ всего этого могъ еще обѣщать имъ — быть всегда готовымъ къ ихъ услугамъ? Да есть ли хоть капля здраваго смысла во всемъ этомъ сообщеніи? Какъ могъ «бывшій патріархъ» обѣщать въ настоящую минуту быть всегда къ услугамъ этеристовъ, пребывая въ положеніи простаго монаха на Афонѣ? Какую подвизающійся въ уединеніи монахъ можетъ оказать услугу революціонерамъ? Иначе развѣ могъ онъ быть твердо увѣреннымъ, что вотъ-вотъ его опять изберутъ въ достоинство вселенскаго патріарха, когда онъ получитъ возможность оказывать существенныя услуги этеристамъ? Скорѣе, не слѣдуетъ ли придать значеніе только послѣднему изъ указанныхъ сообщеній, — что патріархъ отказался занести свое имя въ оффиціальныя списки членовъ этеріи, т. е. говоря проще: отказался имѣть какое бы то ни было общеніе съ этеристами. Это вѣроятнѣе всего, если, конечно, только допустить, что у него былъ разговоръ съ Фармакидомъ, что, однакожъ, мало вѣроятно.

Въ какой мѣрѣ патріархъ Григорій могъ пускаться въ пятимныя бесѣды съ Теофиломъ Каприсомъ и Григоріемъ Сарафи, посвященными въ тайны этеріи (стр. 411), — относительно этого достаточно упомянуть, что *Θ. Καприсς*, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Григорія V, былъ торжественно осужденъ сомненнымъ ему патріархомъ, Григоріемъ VI, за его *θεοσεβεισμός*, — антиправославное религіозное ученіе, представляющее смѣсь воззрѣній Англіійскихъ деистовъ и Французскихъ энциклопедистовъ²⁾. Допустима ли пятимная бесѣда между строго православнымъ патріархомъ-аскетомъ и вольномыслящимъ іеродіакономъ на тему о свободахъ, возвѣщенныхъ Французскою революціей? Думается, что достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы получить отвѣтъ на него отрицательный.

Итакъ, никакихъ документальныхъ данныхъ для доказательства участія патріарха Григорія V въ этеріи, или, вѣрнѣе, въ этеріяхъ, и послѣдовавшемъ затѣмъ греческомъ возстаніи 1821 года, какъ дѣятельнаго ихъ

1) ἐμένα ἕχετε πρὸς μὲ ἕχετε, — буквально: «своимъ меня почитайте, гдѣ я вамъ нуженъ».

2) См. М. Γεδέων, *Καλοὶ καὶ Δικαίους*, II, σ. 221—223.

члена, дающаго всему движенію тонъ и направленіе, не имѣется. Въсто документовъ, предлагаются тенденціозныя сообщенія участниковъ революціоннаго движенія, незаслуживающихъ довѣрія, или тенденціозное толкованіе документовъ, или же нѣчто прямо подложное.

Въ виду сказаннаго мнѣ представляются наиболѣе справедливыми, ближе стоящими къ имѣющимся на лицѣ документамъ по разсматриваемому вопросу, слѣдующія слова Филиппа Мейера: «Вина (патріарха) въ возстаніи его народа не могла быть доказана. Къ освободительному движенію въ народѣ, развившемуся именно подъ вліяніемъ Французскаго просвѣщенія и политической революціи, онъ относился уклончиво. Что въ тайнѣ онъ интересовался борьбою за свободу, — это, правда, можно предполагать, но доказать нельзя»¹⁾. «Можно предполагать», — почему? Да потому, что трудно допустить, чтобы патріархъ Григорій совсѣмъ холодно отнесся къ свободѣ своего народа отъ тяжкаго ига мусульманскаго. Онъ желалъ ея, но не въ томъ видѣ, о какомъ хлопотали этеристы, охваченные Французскимъ просвѣщеніемъ и разлившеюся по Европѣ политической революціей. Этого рода свободы онъ не желалъ, — онъ осудилъ ее и отвращался отъ нея (см. стр. 355—361). Филиппъ Мейеръ специально занимается исторіей Греческой литературы за Турецкій періодъ Византійской церкви. Посему мы не погрѣшимъ, если допустимъ, что ему были извѣстны — если не все, то, по крайней мѣрѣ, отчасти — «документальныя данныя», приводимыя греческими либералами въ доказательство участія Григорія въ греческомъ возстаніи. Но добросовѣстность и примѣненіе обязательныхъ требованій исторической критики къ этимъ «документальнымъ даннымъ» не дозволили ему согласиться съ мнѣніемъ, будто патріархъ Григорій участвовалъ въ этеріяхъ и греческомъ возстаніи 1821 года, былъ ихъ вѣною, причиною. Авторъ оспари-

1) Herzog-Hausk, RE³. V. VII, S. 135—136. — Здѣсь считаю долгомъ замѣтить, что авторъ въ передачѣ приведенной выдержки изъ статьи Мейера о патріархѣ Григоріѣ V допустилъ переименованіе терминовъ. Онъ передаетъ мысль Мейера въ слѣдующихъ словахъ: «Обвиненіе патріарха въ возбужденіи своего народа не могло быть доказано. Онъ стоялъ, напротивъ, въ оппозиціи (ablehnend) освободительному движенію, развившемуся въ духѣ Французской деклараціи и политической революціи. Что онъ въ тайнѣ сочувствовалъ борьбѣ и интересовался ею, это можно предполагать, но не утверждать, какъ доказанное» (стр. 416). Но 1) Schuld не значитъ обвиненіе, а долгъ, вина, грѣхъ, причина; 2) Aufstand означаетъ не возбужденіе, а возстаніе, возмущеніе, мятежъ; 3) Aufklärung значитъ просвѣщеніе, а не декларація; 4) im Anschluss an буквально значитъ: въ примкновеніи къ чему-либо, такимъ образомъ — подъ вліяніемъ, на почвѣ чего-либо, а не въ духѣ, что можетъ указывать и на независимость развитія; 5) ablehnen значитъ отклонять, отказываться, а не быть въ оппозиціи; 6) Freiheitskampf — борьба за свободу, а не просто борьба. Слово: сочувствовалъ авторъ прибавилъ отъ себя, видимо, для усиленія рѣчи: а слова: aber nicht nachweisen, нѣсколько ослабилъ. Вслѣдствіе всего этого и приведенная передача его словъ Мейера никакъ не можетъ быть названа точною. Еще замѣчаніе: выставленный авторомъ цитатъ: Herzog и Hausk, видимо, нужно отнести къ несправленной опечаткѣ; слѣдуетъ читать: Hausk.

ваетъ взглядъ Мейера, какъ и другихъ, отрицательно относящихся къ участию Григорія въ возстаніи 1821 года. Но, по моему мнѣнію, автору слѣдовало бы на немъ нѣсколько остановиться и при этомъ задаться вопросомъ: почему протестантъ Мейеръ такъ остороженъ въ разсматриваемомъ вопросѣ?—по недостатку ли знакомства съ «документальными данными, по пристрацію ли къ Григорію V, или по другимъ какимъ-либо причинамъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ, быть можетъ, вывело бы автора на правильный путь. Мейеръ далеко не привязанъ къ греческой церкви и въ общемъ менѣе сочувственно къ ней относится, чѣмъ, напримѣръ, Гельцеръ. Это, при разборѣ его взгляда на патріарха Григорія, не должно быть оставляемо безъ вниманія, какъ ничего незначащее; оно, по моему мнѣнію, лишь усиливаетъ его безпристрастіе въ разсматриваемомъ случаѣ.

По поводу отлучительныхъ грамотъ патріарха Григорія V на инсургентовъ (стр. 451—459), авторъ пускается въ довольно длинныя разсужденія, въ которыхъ пытается объяснить появленіе ихъ и привести ихъ въ согласіе съ предшествующею дѣятельностью патріарха. Онъ говоритъ: «Приведенныя нами отлучительныя посланія, написанныя страшно суровымъ языкомъ, энергичнымъ... «до непристойности», по выраженію проф. Лебедева, контрастируютъ, на первый взглядъ, съ тѣмъ положительнымъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ патріарха Григорія дѣятельности этеріи, которое не можетъ быть отрицаемо теперь съ достаточнымъ основаніемъ. Они кладутъ на всю прошедшую его дѣятельность въ интересахъ возстанія печать неискренности, раздвоенности, «расколостности» и являются весьма досаднымъ диссонансомъ для тѣхъ, кто хотѣлъ во всей его жизни видѣть постоянное и неизмѣнное развитіе однихъ и тѣхъ же пріемовъ дѣятельности, одну стройную цѣль изъ звѣзьевъ, послѣдовательно входящихъ одно въ другое, кто готовъ былъ представить его «рыцаремъ безъ страха и упрека», великимъ національнымъ героемъ, жившимъ съ народомъ однимъ духомъ, однимъ настроеніемъ, свято руководившимся его желаніями, дѣйствовавшимъ его непреклонной волей» и пр. (стр. 459—464).

Какъ видно, авторъ принялъ за точку отправленія для своего сужденія объ отлучительныхъ грамотахъ патріарха Григорія V на инсургентовъ 1821 года прежде всего и главнымъ образомъ несомнѣнную де принадлежность его къ этеріи, безспорное де его участіе въ возстаніи 1821 года, которое потомъ награждается пышными эпитетами: «общимъ настроеніемъ» народа, «желаніемъ» народа, «непреклонною волей» народа.

Конечно, отлучительныя грамоты Григорія находятся въ «диссонансѣ» съ стремленіями инсургентовъ, ихъ желаніями, непреклонною ихъ волей. Но странно, что, указывая на несогласіе отлучительныхъ на инсургентовъ грамотъ патріарха, авторъ нигдѣ не постарался съ ясностью и должной рельефностью указать несогласіе его дѣятельности, какъ члена революціоннаго общества, съ пастырской его дѣятельностью, какъ епи-

скопа и патриарха. Это очень важно. Тогда, быть может, онъ воздержался бы отъ фразъ: «свято руководившимся желаніями народа, дѣйствовавшимъ его непреклонною волей» и пр. Что, если эти желанія народа — революціоннаго характера? противны правиламъ и уставамъ церкви? Долженъ ли православный патриархъ имъ слѣдовать? быть въ согласіи съ «непреклонною волей народа»? Мы видѣли, что участие Григорія въ революціонныхъ дѣяніяхъ разныхъ этеріи не можетъ быть доказано. Слѣдовательно, выдвигаемый авторомъ «диссонансъ» его дѣятельности съ этой стороны падаетъ.

Противорѣчатъ ли отлучительныя грамоты патриарха Григорія на пнсургентовъ 1821 года тѣмъ его грамотамъ, въ которыхъ характеризуется его дѣятельность какъ верховнаго пастыря церкви (стр. 202—207) и руководителя школьнаго образованія, даваемого народу (стр. 131—144); въ которыхъ осуждаются Французскія свободы, безбожіе и нечестіе французовъ (стр. 355—358) и всякія брошурки, запечатлѣнныя духомъ либеральнаго безбожія и нечестія¹⁾? Итакъ, что же? Какой принципъ долженъ быть принятъ для сужденія объ означенныхъ отлучительныхъ грамотахъ на пнсургентовъ 1821 года (см. также стр. 386—390)?

Думается, что, послѣ того какъ противорѣчіе ихъ мнимою революціонной дѣятельности патриарха Григорія устранено и, напротивъ, установлено соотвѣтствіе ихъ пастырской и просвѣтительной его дѣятельности, насколько она открывается изъ безспорно принадлежащихъ ему грамотъ, слѣдуетъ предварительно обратить вниманіе на то, какое вообще значеніе имѣло отлученіе въ греческой церкви за время ея существованія въ турецкихъ владѣніяхъ? — Въ какихъ случаяхъ, какъ и въ какой формѣ оно примѣнялось?

Обращаясь къ исторіи, мы находимъ, что отлученіе въ греческой церкви въ Турецкихъ владѣніяхъ имѣло очень широкое примѣненіе. Эта кара, по вѣрованіямъ, связаннымъ съ нею, была болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для предупрежденія или раскрытія преступленій, чѣмъ какое-либо внѣшнее наказаніе. Отлученія налагались за всякаго рода преступленія, даже малѣйшія (τὸ ἐλάχιστα πταισμάτῃ), иногда по одному подозрѣнію (ἐπὶ ἀπλή ὑποψίᾳ). При магометанскомъ управленіи, видѣлвшемъ христіанское населеніе изъ своего непосредственнаго вѣдѣнія, и при отсутствіи у клира, — чрезъ который магометанское правительство вѣдало подчиненный ему христіанскій народъ, — внѣшнихъ мѣръ воздѣйствія, отлученіе было единственнымъ и, вмѣстѣ, надежнѣйшимъ средствомъ держать народъ въ повиновеніи. Наложеніе отлученія, послѣ предварительнаго публичнаго оглашенія преступленія въ церкви, совершалось тутъ же по слѣдующей формѣ:

Если преступникъ или преступники не возстановятъ поправное ими право и будутъ упорствовать въ своемъ беззаконіи, то они «да будутъ

1) Ἀγγελόπ., II, 498—499.

отлучены отъ Вседержителя Бога: да погибнутъ они и да не получаютъ прошенія и послѣ смерти разрѣшенія въ семь вѣкѣ и въ будущемъ: камни, деревья и желѣзо пстлѣютъ, а они — никогда: пусть удѣломъ ихъ будетъ проказа Гіезія (4 Царств. V. 27) и тоска (ἀγούνη) Іуды: да разверзнется земля и да поглотитъ ихъ, какъ Даана и Авирона (Числ. XVI. 27—33): на землѣ да будутъ они, какъ Капнѣ, стена и трясась; пусть гнѣвъ Божій пребудетъ на главахъ ихъ и на лицѣ: пусть никогда они не увидятъ успѣха въ дѣлахъ своихъ: голодный хлѣбъ (ἀρρωζέειον ἄρτον) — во все дни ихъ жизни; дѣла, имущества, труды, служенія ихъ да погибнутъ, да подвергнутся полному уничтоженію и да обратятся въ прахъ (ἐξουλόφρουσιν), какъ лѣтная пыль отъ бѣгущаго (ἀπο ἄλωντος); да пребудетъ на нихъ проклятіе святыхъ праведныхъ патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова, и святыхъ 318 богоносныхъ отцевъ, бывшихъ въ Никее, и прочихъ святыхъ соборовъ; и поелику они (теперь) внѣ церкви Христовой, то пусть никто, подъ страхомъ такого же точно отлученія, не совершаетъ имъ церковныхъ таинствъ; не освящаетъ ихъ; не приноситъ за нихъ жертву, не даетъ имъ антидора, не ѣстъ, не пьетъ и не говоритъ съ ними, не погребаютъ ихъ послѣ смерти, до тѣхъ поръ, пока они не исполнятъ того, ради чего написанъ нами этотъ приговоръ»¹⁾.

Теперь возникнетъ вопросъ: противорѣчатъ ли отлученія патріарха Григорія V на инсургентовъ 1821 года принятымъ въ Константинопольской церкви обычаямъ въ подобныхъ обстоятельствахъ? Можно ли указать какой-нибудь «диссонансъ» оныхъ отлученій съ этими обычаями Константинопольской церкви и съ несомнѣнно подлинными пастырскими посланіями патріарха? Представляютъ ли его прещенія хотя бы малѣйшее отступленіе отъ обычно практикуемыхъ формулъ отлученія, даже въ случаяхъ ничтожнаго свойства? Думается, что отвѣтъ здѣсь можетъ быть одинъ: да, отлученія патріарха Григорія V на инсургентовъ 1821 года, по характеру своему, ничѣмъ не выдаются отъ установившейся практики отлученій въ Константинопольской церкви. Такимъ обра-

1) К. Οἰκονόμος, Τὰ σωζομένα ἐκκλησιαστικὰ συγγράμματα. Ἀθήν. 1864, II, σ. 131. Warhaffte und eigentliche Beschreibung des gegenwärtigen Zustandes der unter türkischen Tyranney seuffzenden Griechischen und Armenischen Kirchen, durch Herrn von Ricaut in Englischer Sprache gesetzt. Welchem beigefüget, was der Herr de la Croix von der Maronitischen Kirche observirt, nebst einem Anhang von der Standhaftigkeit und Marter eines Griechischen Klaben. Nicolaus genannt, aus der Französischen in die Hoch-Teutsche Sprache überbracht. Frankfurt und Leipzig, bey Kroniger und Göbels Erben. S. 57—60. — Равно и свѣтскія лица (наприм. князья, бояре и др.), посвящавшія имущества церквамъ и монастырямъ, изрекали подобныя же прещенія на всѣхъ, кто осмѣлится нарушить ихъ волю въ творимомъ ими богоугодномъ дѣлѣ (См. наприм. Fr. Ad. Wickenhauser, Molda oder Beiträge zur Geschichte der Moldau und Bukowina. Czernowitz 1881. B. I, S. 89 f. 94 f. 101 f. 204, 207; B. II, S. 23—24). Такимъ образомъ, «страшно-суровый, энергичный — то непристойности языкъ» клятвъ и разнаго рода прещеній былъ самымъ зауряднымъ явленіемъ того времени; обычною, можно сказать, вѣками выработанною, формою клятвы.

зомъ, съ этой точки зрѣнія сомнѣнія и недоумѣнія, выдвинутыя авторомъ по поводу разсматриваемыхъ отлученій патріарха Григорія, падаютъ сами собою.

Не могу согласиться и съ разсужденіями автора относительно «пкономіи», которую онъ считаетъ «единственно возможною и правильною» въ примѣненіи къ объясненію отлученій Григорія на инсургентовъ 1821 года. *Oikonomiá* отнюдь не значитъ: «приспособленіе къ обстоятельствамъ», какъ думаетъ авторъ (стр. 463); приспособленіе къ обстоятельствамъ—оппортунизмъ. Такой принципъ, дѣйствительно, допускалъ и допускаетъ на практикѣ «самыя широкія примѣненія». Но вѣдь онъ по существу своему есть изобрѣтеніе новѣйшаго времени, примѣняется исключительно къ области государственной политики, по природѣ своей—принципъ безнравственный и, какъ таковой, не можетъ быть одобренъ и принятъ церковью. *Oikonomiá* понималась въ древней церкви по образцу домостроительства спасенія рода человѣческаго Христомъ Спасителемъ, гдѣ *милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася* (Пс. 84, ст. 11). *Oikonomiá* есть снисхожденіе къ падшимъ, къ грѣшнымъ людямъ въ вещахъ несущественныхъ, однакожь безъ малѣйшаго поступленія истинно, съ цѣлью поднять падшаго изъ тины грѣха и заблужденія, а отнюдь не узаконить пребываніе его въ ней. Съ теоретической стороны *oikonomiá* понималась въ древней церкви правильно; если и являлись ошибки, то только—въ практическомъ примѣненіи, что, однакожь, весьма естественно. У насъ, въ Русской церкви, родъ такой «пкономіи» представляетъ единовѣріе. Въ виду всего этого, разсужденія автора о «пкономіи» въ примѣненіи ея къ отлученіямъ патріарха Григорія V на инсургентовъ 1821 года (стр. 463—464) мнѣ представляются не подходящими и неудобопріемлемыми.

Неустойчивость въ сужденіяхъ автора замѣчается и относительно другихъ лицъ, кромѣ патріарха Григорія V. Такъ, наприм., Александръ Ипсиланти въ одномъ мѣстѣ титуруется имъ «прекраснымъ, добрымъ, честнымъ фанаріотомъ, изъ школы котораго вышелъ и самъ мученикъ за греческую свободу», патріархъ Григорій (стр. 365—366; см. стр. 92), а въ другомъ мѣстѣ онъ является подъ перомъ автора уже «страшно высокомернымъ», «возмутительно жестокимъ», грабителемъ (стр. 465). Отчего такая противоположность въ сужденіяхъ автора объ одномъ и томъ же лицѣ¹⁾: Да, просто отъ того, что въ первомъ случаѣ онъ характеризовалъ Ипсиланти со словъ греческихъ писателей, а во второмъ—со словъ негреческихъ авторовъ, крайне враждебныхъ Фанаріотамъ. Г-въ А. Пре-

1) Что въ указанныхъ мѣстахъ разумѣется одно и то же лице, это можно видѣть изъ того, что господаремъ Молдавіи за описываемое время значитъ одинъ Александръ Ипсиланти (1787—1792). Бывшій главнокомандующимъ войскъ этеристовъ-повстанцевъ 1821 года, молодой Александръ Ипсиланти (род. въ 1793 г.), господаремъ не былъ и таковымъ не значитъ. См. С. Палаузовъ, Румынскія государства Валахія и Молдавія. Сиб. 1859, стр. 137, 156, 167 и сл.

ображенскіи не запримѣтилъ, что «либерализмъ», усвоенный «переловыми» лицами разныхъ православныхъ народностей Турціи, разъединилъ ихъ, изъ одной, доселѣ объединенной православною вѣрою, семьи, составленной изъ этихъ народностей, выкормилъ множество фанатически враждебныхъ другъ другу группъ — обширныхъ по національностямъ и мелкихъ внутри каждой національности. Вотъ почему греческіе этеристы, вмѣсто содѣйствія, встрѣтили со стороны румыновъ всяческое противодѣйствіе. И эта вражда, порожденная либерализмомъ среди православныхъ народностей Турціи, отнюдь не прекращается, но растетъ все болѣе и болѣе, такъ что не предвидится ей и конца.

О школахъ Константинопольской церкви, въ которыхъ обучался патриархъ Григорій V и процвѣтанію которыхъ онъ потомъ, какъ патриархъ, всемирно содѣйствовалъ, г. А. Преображенскіи говоритъ довольно подробно, можно даже сказать, даетъ ихъ исторію (стр. 20—50; 107—144). Но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы его собственная точка зрѣнія на эти школы выступала ясно, выработана была точно и опредѣленно: требуется, такъ сказать, чистка и новая сортировка фактовъ. Такъ, авторъ нигдѣ прямо не высказываетъ, какого типа были эти школы — духовныя или свѣтскія? Правда, судя по одной фразѣ въ его разсужденіи о школахъ: «въ рукахъ воспитанника церковной школы всего естественнѣе было встрѣтить именно книги церковнаго происхожденія и характера» (стр. 26), можно думать, что школы Константинопольской церкви были исключительно церковнаго характера, такимъ образомъ, являлись, по нашей терминологіи, духовными школами. Однакожъ, изъ дальнѣйшаго описанія ихъ открывается, что онѣ были и не всецѣмъ духовныя, имѣли свѣтскій характеръ. Въ чемъ же дѣло?

Авторъ не потрудился указать, что типъ школы Константинопольской церкви турецкаго періода остался въ сущности тотъ же самый, какой выработался въ средніе вѣка въ Византіи. Какъ древняя церковь, такъ равно и православныя Восточныя церкви, а также и Римская церковь среднихъ вѣковъ, не знали раздѣленія школы на свѣтскую и духовную. Была одна только школа, выражавшаяся въ извѣстномъ тривіумѣ и квадривіумѣ. Такимъ образомъ, по предметамъ преподаванія она была свѣтскою; но характеръ преподаванія въ ней образовался чисто церковный. И это естественно: религія была высшею нормою и мѣриломъ, какъ въ жизни, такъ и въ школѣ. Все сводилось къ ней. Такъ было въ православныхъ Восточныхъ церквяхъ, такъ было и въ Римской церкви среднихъ вѣковъ. Разность между средневѣковыми школами этихъ церквей сводилась только къ вопросу о значеніи діалектики въ дѣлѣ обоснованія догматовъ вѣры. Латинскіе средневѣковые схоластики, какъ извѣстно придавали діалектикѣ доминирующее значеніе. думали на ней (такимъ образомъ на началахъ конечнаго разума) обосновать всѣ догматы христіанской вѣры. Восточные богословы, не отвергая значенія діалектики,

какъ τείχος τῆς δόξης¹⁾, со всею рѣшительностью отвергали господство ея въ богословской наукѣ. Они помнили, что ереси возникали, по свидѣтельству историковъ, изъ діалектики и потому ударили главнымъ образомъ на преданіе вѣры, выразившееся въ письменныхъ памятникахъ—Словѣ Божіемъ и писаніяхъ отцевъ²⁾. Константинопольская церковь всецѣло сохранила этотъ типъ школы, насколько, конечно, можно было сохранить его при наступившихъ крайше тяжелыхъ условіяхъ подъ Турецкимъ игомъ. Само собою понятно, что и теперь высшимъ идеаломъ просвѣщенія остались въ ней греческіе классики при освѣщеніи ихъ σοφία καὶ εὐσεβεία, т. е. догматами православной христіанской вѣры³⁾. Умственное движеніе Запада, какъ оно формировалось въ народившейся борьбѣ католицизма съ протестантизмомъ, при наступившей отчужденности и почти полной замкнутости Православно-Восточной церкви, пока оставалось ей чуждо.

Относительно сообщеній Александра Гелладія о греческихъ школахъ его времени г. А. Преображенскій замѣчаетъ, что онъ, «безспорно, значительно приукрасилъ—изъ чувства патриотизма (курс. авт.)—современное ему положеніе школъ» (стр. 23—24). Съ этимъ замѣчаніемъ автора я позволяю себѣ не согласиться. А. Гелладіи любовно и мягко описываетъ школы своего времени, которыя проходилъ онъ и самъ. Онъ добродушно рассказываетъ, какъ велось обученіе въ школахъ его времени. Въ его описаніи чувствуется благодарность къ школѣ, давшей ему образованіе. У него нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ желчной злобы, ставшей отличительной чертою отношенія къ ней людей новаго направленія, ознаменовавшихся съ идеями Европейскаго просвѣщенія и свободами Французской революціи. Но это еще не значитъ, что онъ значительно приукрасилъ современное ему положеніе школъ и притомъ — изъ чувства патриотизма. Вѣдь ниже самъ же авторъ приводитъ такого рода сужденія о древней⁴⁾ школѣ въ Константинопольской церкви: «Церковь, шествуя однимъ и тѣмъ же путемъ съ поработеннымъ обществомъ, служила какъ бы кивотомъ народнаго просвѣщенія». «Разливая всюду его живительный свѣтъ, она не преслѣдовала, ни въ церковномъ, ни въ политическомъ отношеніи, никакихъ собственныхъ интересовъ, не дѣлала ничего противнаго общественной пользѣ, напротивъ, смотрѣла на Еллинскую (т. е. древне-грече-

1) Basil. in Isai. c. 2. p. 890: ἡ γὰρ τῆς διαλεκτικῆς δόξης τείχος ἐστὶ τῆς δόξης. Cf. Greg. Naz. Carm. hist. L. II, sect. 2, v. 65, 66. У Migne, Patrol. ser. gr. t. XXXVII, p. 1510.

2) См. Socrat. hist. eccles. L. I, c. 8, 9; L. V, c. 10; L. II, c. 40, 41. Cf. Nic. Gregor. Byz. hist. L. X, c. 8, p. 505—508, ed. Bonn.—Достойно примѣчанія, что латинскіе средневѣковые схоластики въ опредѣленіи значенія діалектики для обоснованія догматовъ вѣры ближе стоятъ къ еретикамъ, чѣмъ къ отцамъ церкви.

3) ἡ πρώτη σοφία, ἡ καὶ εὐσεβεία. См. Φωτίου Ἀμφιλόχου. Ἀθήν. 1858, ζήτ. ΡΜΘ', с. 225—226.

4) Именно время Гелладія — нѣсколько раньше его и нѣсколько позже его.

скую, классическую) науку, какъ на родную сестру церковной». — «Старый Эллингъ-учитель смотрѣлъ на себя, какъ на апостола религіи и отечества, окруженнаго ореоломъ нѣкоторой святости; онъ не былъ слишкомъ свѣдущъ, за то имѣлъ глубокой серьезный умъ, . . . жилъ въ строгой умѣренности. Библиотека его была очень ограничена, — положительныя знанія мало ему были знакомы, но онъ много думалъ, знанія его представляли изъ себя одно тѣсное и стройное цѣлое, центромъ котораго были отечество и религія». — «Онъ смотрѣлъ на ученика не какъ на чужаго, но какъ на нравственно-близкаго, роднаго ему» (стр. 29—30)¹⁾. Почему же такая школа *сама въ себя* не могла возбуждать въ своихъ питомцахъ благопріятныхъ о ней отзывовъ и непременно требуется ввертывать здѣсь «приукрашеніе изъ чувства патріотизма»?

Враждебно относились къ старой школѣ люди новаго направленія. Такъ Адамантий Корансъ, этотъ, такъ сказать, Герценъ «освободительнаго движенія» у Грековъ, изливаетъ свой гнѣвъ на старо-греческую школу въ слѣдующихъ словахъ: «Учитель нашъ и школа наша походили на всѣхъ тогдашнихъ учителей, на всѣ тогдашнія школы Греціи. Ученіе было самое бѣдное, сопровождалось весьма обильными и щедрыми побоями. Насъ такъ усердно билъ, что братъ мой, не въ страхъ будучи болѣе выносить, отказался навсегда отъ Эллингскаго образованія вопреки волѣ родителей» и пр. (стр. 45—46 прим. 2-е). Правда, дѣлая эту выписку, авторъ замѣчаетъ: «Не забудемъ, что А. Корансъ . . . весьма несочувственно относится къ (старо-греческой) школѣ и обученію въ ней»²⁾, но этимъ только и ограничивается. Между тѣмъ, и въ словахъ Корансы, и въ приведенныхъ отрывкахъ о старой школѣ, и въ описаніяхъ ея у Гелладія замѣчается сходство, и въ то же время сужденія радикально противоположны. На это слѣдовало бы обратить вниманіе. Самъ собою напрашивается вопросъ: отъ чего это? Что это значитъ?

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. началось усиленное знакомство Грековъ съ Европейскимъ просвѣщеніемъ и идеями свободы, разнесенными и повсюду разносимыми вспыхнувшю теперь «великою» Французскою революціей. «Золотая молодежь, надежда и опора отечества, густой толпой поспѣшила въ учебныя заведенія Франціи, Англіи и Германіи съ надеждой посвятить свои силы на служеніе родинѣ» (стр. 110). Но эта «золотая молодежь» заразилась на Западѣ «религіознымъ вольнодумствомъ». «Служеніе родинѣ» со стороны ея обнаружилось главнымъ образомъ въ школьномъ дѣлѣ. Стали усиленно открывать новыя школы и повсюду учительскія мѣста замѣщались новыми людьми, ознакомившимися съ Европейскимъ просвѣщеніемъ. Послѣдовало полное осужденіе стариннаго типа школы и стремленіе, на мѣсто его, создать новый типъ. Въ

1) См. Ἀγγελόπου. I, 126—129. Описаніе автора заимствовано именно отсюда.

2) Предъ этимъ нигдѣ не было упомянуто о несочувствіи Корансы къ старо-греческой школѣ.

школу пропикли либерализмъ и вольнодумство, и, вмѣсто разсадника благочестія, теперь она сдѣлалась очагомъ революціонной пропаганды всѣхъ и всяческихъ свободъ, провозглашенныхъ Французскою революціей, отрицательнаго отношенія къ догматамъ, уставамъ и обрядамъ церкви, даже полнаго безбожія (стр. 113, 135, 140, 143 и др.). Такимъ образомъ типъ учителя совершенно пзмѣнился и принялъ крайне непривлекательную форму. Естественно, пзмѣнился и характеръ учениковъ, и именно—въ худую сторону (стр. 29—30, 31)¹).

Патріархъ Григорій V всемѣрно заботился о развитіи школьнаго дѣла; однакожъ, къ вновь народившемуся типу школъ по Европейскому образцу отнесся не только отрицательно, но и прямо-таки съ полнымъ осужденіемъ ихъ. Въ сипилліи отъ 1808 года онъ настаивалъ на «сохраненіи прежнихъ школьныхъ порядковъ и наблюденіи свангельскихъ нравовъ и благочестія» (стр. 137). Въ послѣднее свое патріаршество, въ мартѣ 1819 года онъ пздаль грамату, уже прямо осуждающую народившееся новое направленіе въ школѣ. Въ этой граматѣ патріархъ Григорій предохраняетъ отъ «увлеченія лженменной и суемудрой Европейской философіей (морософіей) и математикой, которыя, какъ показываетъ опытъ, вредятъ чистотѣ вѣры и нерѣдко воспитываютъ въ ученикахъ пренебрежительно-индифферентное отношеніе къ обрядовымъ формамъ и установленіямъ православной церкви, совѣтуетъ какъ можно больше, особенно на первыхъ порахъ, заниматься изученіемъ матери и питательницы всякой науки и философіи, т. е. древняго Греческаго языка, отцевъ и учителей церкви» (стр. 132)²). Теперь возникаетъ вопросъ: если патріархъ Григорій V относился къ новому типу школъ по Европейскому образцу не только отрицательно, но прямо-таки съ осужденіемъ ихъ, то можно ли съ доброю совѣстью утверждать, что онъ находился въ тѣсныхъ связяхъ съ новыми учителями-творцами «освободительнаго движенія», посвященъ былъ въ ихъ «аллегорическій» языкъ, одобрительно смотрѣлъ на школы, какъ на очагъ пропаганды нечестія и Французскихъ свободъ,—словомъ, былъ членомъ революціонной кампаніи (стр. 428 и сл.)? Думается, что дать положительный отвѣтъ на эти вопросы очень рискованно. Авторъ избѣгъ бы указываемыхъ противорѣчій, если бы отнесся къ сообщаемымъ фактамъ съ должною критикою и далъ имъ надлежащую сортировку.

На ряду со школамъ, къ просвѣтительнымъ средствамъ авторъ отнесъ типографіи. Повѣствуя объ учрежденіи патріаршей Константинопольской типографіи (стр. 144—160), г. А. Преображенскій замѣчаетъ, что «основаніемъ *испытательнаго цензурнаго комитета* положено было начало существованію на Востокѣ постоянной непремѣнной цензуры церковно-на-

1) Сн. Ἀγγελοπ. I, 127, 130—131.

2) Болѣе полный текстъ этой граматы патріарха Григорія въ Русскомъ переводѣ см. у И. И. Соколова, Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. С.-Петербургъ 1904. стр. 492—494.

родныхъ изданій» и что «теперь, съ открытіемъ комитета, получило значеніе обязательной нормы то, что раньше встрѣчалось лишь въ частныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, даже не было освящено традиціей или закрѣплено обычаемъ» (стр. 149, прим. 3-е). — Съ этимъ замѣчаніемъ г. А. Преображенскаго я не могу согласиться: въ немъ нѣчто не договорено, а нѣчто высказано и прямо неправильно. Рассказывая объ учрежденіи типографіи при патріархѣ Кприллѣ Лукарѣ, г. А. Преображенскій не отмѣтилъ того обстоятельства, что эта типографія не была оффициально дозволенною со стороны Турецкаго правительства: она учреждена была какъ бы тайно и ради этой таинственности, поставлена была подъ покровительство Англійскаго посланника. Однакожь это покровительство не спасло ея. Іезуиты, какъ только узнали о ея существованіи, постѣпили натравить Турковъ и — она немедленно была уничтожена. Слѣдовательно, съ оффициальной точки зрѣнія ее нельзя считать *первою* патріаршей типографіей, а потому и не могло быть учреждено при ней никакого цензурнаго комитета. Типографія, учрежденная патріархомъ Григоріемъ V, была въ собственномъ смыслѣ *первою*, основанною съ дозволенія Турецкаго правительства, типографіей. Поэтому естественно, что теперь же основанъ былъ и первый «цензурный комитетъ». Но цензура, какъ таковая, постоянно была примѣняема въ церковной практикѣ¹⁾, и авторъ напрасно сѣтуетъ, что теперь, съ открытіемъ цензурнаго комитета, получило значеніе обязательной нормы то, что не было освящено традиціей или закрѣплено обычаемъ. Вотъ именно и освящено традиціей и закрѣплено обычаемъ. Поэтому-то учрежденіе «цензурнаго комитета» и совпало съ учрежденіемъ первой патріаршей типографіи. Изъ нея могло выходить только то, что вполне одобрилось патріархіей, что было православно.

Въ довольно обширномъ примѣчаніи (стр. 183—188) г. А. Преображенскій излагаетъ исторію перевода Библии, въ особенности Новаго Заветъ, на народный ново-греческій языкъ. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что «вопросъ о переводѣ Библии имѣетъ въ Греческой церкви довольно длинную и поучительную исторію, которая могла бы быть очень и очень интересною темой специальной исторической монографіи» (стр. 184). Но, конечно, и въ сравнительно краткой замѣткѣ можно выразить сущность дѣла. Однакожь, у автора эта сущность дѣла не совсѣмъ ясно выступаетъ. Спрашивается, откуда это упорное противодѣйствіе патріархіи переводамъ Библии на «понятную» простонародную рѣчь? Попутное замѣчаніе автора, — что «ожесточенные враги» перевода «среди лицъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія, . . . почини историческихъ основаній для отрицанія законности и умѣстности перевода Библии, ссылались на то, что народный языкъ слишкомъ грубъ, неправиленъ, необработанъ совершенно для литературныхъ цѣлей, способенъ лишить священный текстъ красоты и выразительности языка боговъ, безусловно бѣденъ

1) См., напр., Ricaut, op. cit., p. 27, col. 2.

словами для выраженія христіанскихъ понятій» (стр. 187),—не обипмаетъ всесторонне сущность вопроса. Замѣчательно во всемъ движеніи этого вопроса то, что о переводѣ Библии на «понятную» простонародную рѣчь хлопотали особенно протестанты, а пзъ туземныхъ дѣятелей—вкусившіе Европейскаго просвѣщенія, либералы. Съ этой стороны переводъ Библии на простонародную рѣчь связанъ съ протестантскою пропагандой среди православныхъ христіанъ Востока. Такимъ образомъ онъ грозилъ распространеніемъ протестантизма на Востокъ, искаженіемъ православнаго ученія вѣры. Вотъ отсюда-то главнымъ образомъ и вытекало упорное сопротивление патріархіи и ревнителей православія переводу Библии на простонародную рѣчь, сопровождавшееся иногда даже кровопролитіемъ (но, конечно, уже не со стороны патріархіи). Замѣчательно условіе, подъ которымъ патріархъ Григорій V далъ свое согласіе на переводъ Библии на простонародную рѣчь: «если найдется среди благочестивыхъ людей исполненный и руководимый божественною благодатью, способный на удачный и разумный переводъ Ветхаго и Новаго Заветъа» (стр. 186). Потрудитесь отыскать такого именно человѣка! А вѣдь патріархъ Григорій далъ свое согласіе подъ давленіемъ вліятельныхъ сторонниковъ перевода Библии на народную рѣчь. Насколько живо и сильно вопросъ о переводѣ Библии на народную рѣчь затрогивалъ всѣхъ, ревнующихъ о чистотѣ православія, — свидѣтельствомъ можетъ служить обширный трудъ К. Икономоса «О переводѣ семидесяти»¹⁾. Авторъ напрасно не поставилъ на видъ указываемую здѣсь сторону этого вопроса.

Г. А. Преображенскій нигдѣ нарочито не останавливается на выясненіи отношеній Грековъ къ Россіи, или, наоборотъ, Россіи къ Грекамъ, въ частности — къ Константинопольской патріархіи, за время патріаршества Григорія V. У него можно найти лишь нѣсколько фразъ — и то высказанныхъ вскользь, мимоходомъ — касательно отношеній между Греками и Россіей. Такъ, на стр. 86-й онъ пишетъ: «Еще много раньше (т. е. 1797—1798 г., времени перваго патріаршества Григорія V), когда въ Греческомъ мірѣ вполне преобладали Русскія симпатіи, вліяніе тогдашней современной французской литературы на образованныхъ Грековъ было весьма значительно». Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: когда же собственно и вслѣдствіе какихъ причинъ началось ослабленіе «полнаго преобладанія Русскихъ симпатій въ Греческомъ мірѣ»? На стрр. 185 и 355 авторъ намекаетъ на давленіе Русскихъ вліятельныхъ и сильныхъ лицъ, и при томъ—въ вопросахъ, относительно которыхъ въ Константинопольской патріархіи сложилась «неуклонно-строгая и послѣдовательная историческая традиція». Конечно, такое давленіе со стороны Русскихъ властныхъ лицъ не могло не породить въ патріархіи и вообще въ средѣ Грековъ ослабленія симпатій къ Россіи. Но это давленіе Рус-

1) К. Οἰκονόμος, Περὶ τῶν ἑρμηνευτῶν τῆς Παλαιᾶς Θείας Βιβλίας δ' Ἀθῆν. 1844 — 1849. Τομ. I—IV.

скихъ вліятельныхъ лицъ случилось позднѣе указаннаго начала ослабленія симпатіи Грековъ къ Россіи, такимъ образомъ не можетъ быть выставлено какъ начальная и коренная причина его. На стрр. 427—430 говорится о «тайнственной Ἀρχή — высшей власти», на которую этерпсты и вообще Греки возлагали великое упованіе въ дѣлѣ своего освобожденія отъ ига Турковъ и подъ которою они разумѣли Русскую государственную власть. Конечно, это упованіе Грековъ на Россію слѣдовало бы привести въ то или иное соотношеніе съ указаннымъ ослабленіемъ ихъ симпатіи къ Русскимъ и дать каждому изъ этихъ явленій подлинный ихъ видъ. — Рассказывая о знакомствѣ Грековъ съ идеями Французскихъ свободъ и сильномъ увлеченіи ихъ этими идеями, авторъ говоритъ, между прочимъ: «Въ революціи найдена была прямая цѣль и средоточіе и къ этой цѣли должно было направляться теперь все движеніе народа. Она казалась явленіемъ, практическое приложеніе котораго на Восточной почвѣ было желательно рѣшительно всѣмъ классамъ Греческаго народа». — «Духъ Галльской свободы всюду бродилъ между Греками; революція подняла духъ и старыхъ и молодыхъ» и т. д. (стр. 88)¹⁾. Рядомъ съ увлеченіемъ идеями Французскихъ свободъ измѣнялся и симпатіи Грековъ: «Французовъ, — писали они Али-Пашѣ, — мы не можемъ и не желаемъ гнать отъ себя, ибо въ теченіе 400 лѣтъ они были вѣрными защитниками нашего отечества, проливавшими за него иногда свою собственную кровь» (стр. 363—364). Такъ вдругъ было измѣнено прежнее мнѣніе, по которому «Франки» были главными врагами православной Греческой вѣры и, вмѣстѣ съ этимъ, Греческаго народа. Несомнѣнно, либерализмъ внесъ вражду въ православныя народности Турціи къ Русской державѣ: питаютъ антипатію къ Россіи Греческіе либералы, такія же антипатіи питаютъ къ ней и либералы Славянскихъ народностей Турецкой имперіи. Теперь, ради чего же возлагали на «тайнственную Ἀρχή» великое упованіе Греческіе этерпсты? По великой симпатіи къ ней? Или по другимъ какимъ-либо соображеніямъ? Такимъ образомъ, вопросъ объ отношеніяхъ Грековъ къ Россіи осложняется и на немъ слѣдовало бы остановиться. Переходная эпоха временъ патриаршествованія Григорія V даетъ указанія на перемѣну этихъ отношеній и начертываетъ дальнѣйшіе пути въ ихъ развитіи. Выясненіе всего этого было бы полезно не только съ чисто научной точки зрѣнія, но вмѣстѣ и со стороны практической.

Я кончаю свои замѣчанія. Въ общемъ мнѣ представляется, что въ сочиненіи г. А. Преображенскаго, въ настоящемъ его видѣ, замѣчается какая-то двойственность: патриархъ Григорій V представляется взору читателя не то православнымъ христіаномъ, не то революціонеромъ съ

1) При этомъ авторъ отмѣчаетъ — и не разъ, — что «идея свободы брошена въ сознаніе міра Франціей» (стр. 86. 95). Это — не правда, даже если понимать свободы въ смыслѣ либеральномъ. См. мою брошюру: «Что такое либерализмъ?» Спб. 1906.

практикованіемъ страшнаго лицемѣрія, какого доселѣ не проявлялъ ни одинъ Константинопольскій патріархъ, — не то онъ держится десято-словія Моисея, заповѣдей Христа и уставовъ православной церкви, не то — идей вѣка просвѣщенія, проявляющихся въ разнаго рода революціонныхъ движеніяхъ. Определеннаго вида и точно очерченнаго характера патріарха Григорія V не замѣчается въ сочиненіи г. А. Преображенскаго. Судя по словамъ его, патріархъ Григорій одновременно является и суровымъ, послѣдовательнымъ и искреннимъ монахомъ-подвижникомъ, и сторонникомъ Французскаго просвѣщенія и политической революціи. Къ соглашенію и единству противоположности эти не приведены у автора. А это означаетъ, что мысль его самаго относительно патріарха Григорія V и затрагиваемыхъ его лицомъ предметовъ еще не установилась.

Однакожь, выставляя на видъ этотъ недостатокъ въ сочиненіи г. А. Преображенскаго, я отнюдь не имѣю въ виду его обезцѣнивать. Я хочу только сказать, что предметъ изслѣдованія г. А. Преображенскаго требуетъ дальнѣйшихъ работъ съ указываемой мною точки зрѣнія. Что же сдѣлано авторомъ, — это имѣетъ свою цѣну и составляетъ замѣтный вкладъ въ нашу церковно-историческую науку. Пожелаемъ автору дальнѣйшихъ трудовъ на избранномъ имъ поприщѣ.

О. Кургановъ.

Jos Wilpert. *Malby v dřevní basilice Sv. Klimenta*. Kroměříž 1906. 8° стр. 59 и шесть рисунковъ.

Вышедшая въ чешскомъ переводѣ работа Вильперта была помѣщена первоначально въ журналѣ *Mélanges d'Archéologie et d'Histoire* т. XXVI: *Le pitture della basilica primitiva di San Clemente*.

Она состоитъ изъ семи главъ.

Въ первой авторъ исправляетъ ошибку снмавшего копію художника Евинга, который фрески, изображающія страшный судъ, отнесъ къ мученію св. Екатерины и къ исторіи Товія.

Въ двухъ слѣдующихъ за тѣмъ главахъ идетъ рѣчь о фрескахъ, которыя предшественникамъ автора были относимы къ св. Кириллу и Меодію. Одна изъ нихъ изображаетъ святаго на колѣняхъ передъ императоромъ или королемъ, который дѣлаетъ жестъ приказанія двумъ или болѣе стоящимъ передъ нимъ лицамъ, фигуры которыхъ совершенно почти изгладилась. Наиболѣе распространено мнѣніе, что эта сцена изображаетъ императора Михаѣла, посылающаго св. Кирилла къ моравскимъ славянамъ. Де Росси находилъ возможнымъ отнести эту фреску или къ Ростиславу, отправляющему пословъ къ императору Михаѣлу, или же къ Борису, который черезъ пословъ проситъ наставленія и миссіонеровъ у папы Николая I. Вильпертъ утверждаетъ, что принимаемая за Кирилла фигура не мужская, а женская. Главнымъ аргументомъ онъ выставляетъ